

Отдел 4.

Мелкобуржуазная кооперация

- Глава I. Шульце-Делич и связанное с ним кооперативное движение
- Глава II. Мелкобуржуазная кредитная кооперация
- Глава III. Ремесленная кооперация
- Глава IV. Мелкобуржуазная потребительская кооперация

Глава I. Шульце-Делич и связанное с ним кооперативное движение

1. Шульце-Делич и его общественное мировоззрение

Как Англия является типичной страной пролетарской кооперации, так Германия была долгое время типичной страной кооперации мелкобуржуазной. Недаром отцом германской кооперации является такой характерный представитель мелкой буржуазии, со всеми сильными и слабыми духовными чертами этого класса, как Шульце-Делич.

И если английская пролетарская кооперация явилась непредвиденным ее творцами результатом увлечения рабочих масс Англии идеей коммунистических общин, то организации, созданные Шульце, возникли как непредвиденный им результат увлечения общественных кругов Германии идеей производительной артели. Общественные убеждения Шульце сложились под сильным влиянием французского социализма, своеобразно преломившегося в социальной среде германской мелкой буржуазии, к которой принадлежал Шульце.

Шульце, безусловно, не был социалистом. По своей натуре он был слишком трезвым, осторожным и расчетливым человеком, чтобы увлекаться планами радикального преобразования общественного строя. Никакого полета воображения мы у него не видим, равно как и прямолинейности в преследовании одной господствующей идей. Во всех этих отношениях Шульце является прямой противоположностью Оуэну.

Тем не менее и Шульце было суждено стать новатором и прокладывать новые пути. Объясняется это тем, что сама жизнь толкала на новые пути те общественные элементы, выразителем интересов которых явился Шульце.

Развитие капитализма сопровождалось во всех странах кризисом мелкой промышленности и торговли. В Германии этот процесс особенно резко почувствовался около половины прошлого столетия. Это вызывало недовольство обширных кругов мелкой буржуазии.

«Фабрика, — писал в 1858 г. Шульце в брошюре «Die arbeitenden Klassen und das Associationswesen in Deutschland»⁸⁶, — вытесняет ремесло и лишает рынка ремесло в тех отраслях промышленности, которые она вовлекает в свою сферу, и делает невозможной всякую конкуренцию с ней. Овладевая одной за другой новыми и новыми отраслями труда, как это мы видим ежедневно, фабрика в недалеком будущем не оставит ни одного уголка, где могло бы найти себе приют ремесло. И если уже теперь многие прежде самостоятельные мастера ищут работы на фабриках, нельзя не опасаться, что постепенно вся масса ремесленников спустится до роли простых наемных рабочих крупных предприятий и пополнит ряды злополучного пролетариата».

Вместе с тем ухудшается положение и фабричных рабочих. Рост крупного производства вызывает, следовательно, падение благосостояния всех трудящихся классов населения — как мелких самостоятельных производителей, так и фабричных рабочих. Но крупное предприятие, говорит Шульце, обладает такими техническими преимуществами сравнительно с мелким, что тенденция к нему неустранима при современных условиях.

Как же помочь народной нужде при таком положении дел? Возвращение к старому экономическому порядку — восстановление цехового строя промышленности — Шульце признает невозможным. Останется одно: признать неизбежность роста крупного предприятия, но попытаться осуществить его в новых формах, согласованных с интересами трудящихся. Таким образом, Шульце приходит к выводу, что «ассоциация является единственным средством спасения для нуждающихся рабочих и ремесленников. В ассоциации воскреснет с новыми силами для ремесленников старый цех, ставший в наше время бесполезным и бессмысленным учреждением». Поэтому ассоциация может быть названа «цехом будущего». Ассоциация даст возможность трудящимся воспользоваться выгодами крупных предприятий без потери своей самостоятельности.

Высшим видом ассоциации Шульце, как было указано выше (в главе о производительных артелях), признает производительную ассоциацию.

Кооперативная система Шульце начала осуществляться на практике уже в конце сороковых годов, нехотя она сложилась далеко не в те формы, которые имелись в виду ее создателем, все же нельзя не признать, что практическое осуществление идей Шульце оказалось гораздо ближе к его теоретическому замыслу, чем это мы видим по отношению к Оуэну. С внешней стороны между судьбой обоих замыслов много общего. Потребительские общества фабричных рабочих были для Оуэна средством для подготовки коммунистических общин. Однако никаких коммунистических общин не возникло, а потребительские общества получили огромное развитие. Точно так же и для Шульце основанные им кредитные кооперативы, о которых он почти не упоминает в первых очерках своей кооперативной теории, были только первым шагом кооперативного развития, которое должно было привести к созданию производительной ассоциации. Производительная ассоциация оказалась утопией не меньшей, чем коммунистические общины Оуэна, а кредитные кооперативы процвели. Однако на самом деле судьба созданий Оуэна и Шульце была

существенно различна.

Для Оуэна коммунистические общины были не туманным и отдаленным завершением кооперативного движения, а единственно ценным и важным элементом во всей его системе. Коммунистический идеал был для него все, средства же для этой цели (потребительские общества) теряли всякую ценность, если цель не была достигнута. И потому Оуэн не мог не чувствовать себя разбитым в своих лучших упованиях и надеждах. То, что получилось в результате его деятельности, не могло давать ему ни малейшего нравственного удовлетворения.

Напротив, в мировоззрении Шульце главную роль играли ближайшие результаты его деятельности, а вовсе не конечные цели. Признавая производительную ассоциацию венцом своей кооперативной системы, Шульце не был склонен отрицать значение того, что ему казалось подготовительными формами ассоциации. Напротив, чем больше разворачивается его практическая деятельность и чем больше выясняется утопичность производительной ассоциации, тем равнодушнее он становится к последней. Рост кредитных кооперативов его вполне удовлетворяет, и призрак неосуществившейся производительной ассоциации не причиняет ему никакой горечи. Эта ассоциация начинает в конце концов играть в его системе роль безобидного орнамента, ни к чему не нужного, но и ничему не мешающего.

Все дело в том, что Оуэн был человеком огромных замыслов, а Шульце — типичной мещанской натурой. И потому Оуэн чувствовал себя разбитым, а Шульце — победителем.

Что же такое была та кооперация, которая была создана Шульце? Деятельность Оуэна повела к возникновению потребительских обществ рочдельского типа — кооперативов, не имевших ничего общего с коммунистическими общинами, которые проповедовал Оуэн, но способных к грандиозному развитию. Против своей воли Оуэн создал нечто великое, не менее великое, чем то, к чему стремился.

Напротив, создание Шульце, вполне его удовлетворяющее, было так же лишено элемента величия, как и сам он или, точнее, как тот общественный класс — мещанства, мелкой торговли и ремесла, — выразителем которого он являлся.

2. Вызванное Шульце кооперативное движение

Очень интересна история созданных Шульце кооперативов. Мы видели, что теоретические воззрения Шульце приводили его к признанию венцом кооперативной системы производительной ассоциации. Вместе с тем как человек большого практического смысла он понимал трудность осуществления этого наиболее сложного вида кооперации. Поэтому неудивительно, что первые кооперативы, созданные Шульце, были отнюдь не производительными ассоциациями, а кооперативами совсем иного рода, сырьевыми товариществами — обществами ремесленников для приобретения за общий счет нужного сырья.

Уже в 1849 г. Шульце основывает в Делич два сырьевых товарищества: столяров и сапожников. Затем возникает «несколько новых сырьевых товариществ, к 1853 г. их было уже 6 (и, кроме того, два кредитных товарищества и два потребительских общества). К 1859 г. насчитывалось уже 55 сырьевых товариществ, а к 1868 г. — даже 131. Но из быстрого увеличения числа этих кооперативов было бы неправильно заключать о действительном росте этого вида кооперации. Дело в том, что в противовес другим видам кооперативов, созданным Шульце, этот вид — сырьевые товарищества — оказался очень мало жизнеспособным.

Первое время число их возрастало быстро, но более на бумаге, чем в действительности. Деятельность их почти не проявлялась, а в скором времени и число их стало падать. Еще меньше успеха имели магазинные товарищества — организации сбыта ремесленных продуктов, равно как и производительно-подсобные товарищества — организации совместного использования ремесленниками разного рода дорогих орудий и технических приспособлений. Все эти кооперативы не получили никакого развития и не приобрели никакого значения в народном хозяйстве Германии.

Полная неудача всех этих видов кооперативов совершенно бесспорна. О причинах этой неудачи речь будет идти ниже.

Еще меньше успеха имели производительные ассоциации, которые почти не вышли из стадии неудачных попыток их создания. Зато те виды кооперации, которые играли очень скромную роль в теоретической системе Шульце, получили значительное развитие на практике: это кредитные кооперативы и потребительские общества.

Центральное положение среди кооперативов, созданных Шульце, очень скоро заняли именно кредитные кооперативы.

Эти-то кооперативы, которые можно назвать ссудо-сберегательными товариществами, и были его историческим делом. Возникли они путем своеобразного развития сырьевого товарищества: как выяснил В. А. Косинский в своем исследовании «Учреждения для мелкого кредита в Германии», кредитный кооператив возник в результате неспособности сырьевого товарищества справиться с приобретением сырья на наличные деньги. Необходимо было организовать для сырьевых товариществ кредит; таким образом, для этих товариществ выдвинулась новая задача — организация кредита, и создались первые кредитные кооперативы, оказавшиеся в противовес сырьевым товариществам вполне жизнеспособными учреждениями. Первоессудо-сберегательное товарищество было основано в Эйленбурге, по-видимому, без всякого участия Шульце неким Бюрманом, сапожным мастером, причем Бюрман исходил из опыта сырьевых товариществ.

Как из агитации Оуэна получились потребительские общества рочдельского типа, так из агитации Шульце получились ссудо-сберегательные товарищества.

Рочдельские кооперативы были типичными организациями пролетариата, в которых заложена тенденция к неограниченному росту и внутреннему развитию: начав с преобразования розничной торговли, они, естественно, перешли к устранению

капиталистического посредничества в области оптовой торговли, а затем начали вовлекать в сферу своего влияния все народное хозяйство.

Напротив, ссудо-сберегательные товарищества Шульце являются столь же типичными организациями иного общественного класса — мелкой буржуазии, мелких торговцев и ремесленников, обладающих небольшими капиталами. И точно так же, как и в рочдельском кооперативе, все особенности данной экономической организации объясняются особенностями и экономическими интересами того общественного класса, в среде которого эта организация создавалась и получила развитие.

Что ссудо-сберегательные товарищества являются кооперативами преимущественно мелкой буржуазии, доказывается статистическими данными относительно классового состава их членов.

Так, например, в 1888 г., когда ссудо-сберегательные товарищества Шульце получили уже полное развитие, классовый состав их членов был следующий (в процентах):

Категория населения	%
Самостоятельные предприниматели в сельском хозяйстве, торговле и промышленности	74,1
Либеральные профессии, рантьееры, пенсионеры	13,8
Низшие служащие	3,5
Рабочие	8,6

Огромное большинство членов ссудо-сберегательных товариществ принадлежало и принадлежит к числу самостоятельных предпринимателей. Что это предприниматели преимущественно мелкие, а не крупные, ясно само собой, так как крупные предприниматели имеют к своим услугам обычные капиталистические банки.

Выше было указано, что в представлении Шульце производительная ассоциация была завершением кооперативной системы. Такова была теория. Практика ей не отвечала ни малейшим образом, да и сам автор этой теории не придавал ей сколько-нибудь серьезного значения, во всяком случае, в конце своей жизни Шульце коренным образом изменил свои взгляды на то, в чем следует видеть венец его кооперативной системы.

Главным видом кооперативных организаций Шульце были, как сказано, ссудо-сберегательные товарищества, — организации, наполовину не кооперативные, а капиталистические. Неудивительно, что товарищества эти при успехе быстро утрачивали последние следы кооперативной природы и превращались в обычные капиталистические акционерные банки, причем пайщики становились акционерами.

С точки зрения того кооперативного идеала, которому первоначально сочувствовал Шульце, такое превращение кооперативной организации в обычную капиталистическую должно было казаться изменой народному делу и встречать суровое осуждение. Иначе смотрел на это дело Шульце. На годовых собраниях союза кооперативов его имени он неоднократно

высказывался в том смысле, что превращение ссудо-сберегательных товариществ в акционерные в его глазах является лучшим доказательством успеха народных банков.

Венцом кооперативной системы становится в глазах Шульце, следовательно, уже не производительная ассоциация — утопия его юности, а капиталистическая акционерная компания, ничего утопического в себе не заключающая. Здесь ярко сказывается капиталистический дух всей кооперативной системы Шульце.

Кооперативное движение в Германии, как и в Англии, началось среди средних классов общества. И это понятно, в половине прошлого века Германия была еще страной со слабо развитой фабричной промышленностью, в экономической жизни которой тон давали мелкие формы производства.

Экономическая неразвитость Германии была в это время так велика, что, например, Шульце в первых своих литературных произведениях еще не различал промышленный пролетариат и самостоятельных ремесленников. Созданные им кооперативные организации имели в виду мелких предпринимателей, а он полагал, что они могут служить интересам и пролетариата.

Если Шульце не понимал столь простых вещей, то это потому, что в самой жизни соответствующие общественные классы еще не успели резко обособиться, и новый общественный слой — промышленный пролетариат — еще не стал крупной силой. И в культурном, и в политическом отношении рабочий класс был заслонен в Германии половины прошлого столетия классом ремесленников.

Неудивительно, что именно в среде мелкой буржуазии и начало развиваться германское кооперативное движение. Затем, когда большее и большее значение в общественной жизни стал играть класс промышленного пролетариата, общие условия германской жизни сделали германский пролетариат на долгое время равнодушным к кооперации. Из всех видов кооперативов для пролетариата имеет особое значение потребительская кооперация. Но для германского пролетариата на первый план выдвинулись политические задачи, которые заслонили для него все остальное, в том числе и потребительскую кооперацию.

Известно, как отрицательно относился Лассаль к потребительским обществам. Он видел в них просто самообман рабочего класса: так как заработная плата при условиях капиталистического производства не может подняться, думал он, выше уровня, необходимого для голого существования, то все попытки рабочих удешевить для себя стоимость предметов потребления должны иметь своим результатом соответствующее понижение денежной заработной платы. Иными словами, ровно никакой пользы в окончательном итоге потребительские общества рабочему классу не приносят, и только временно отдельные рабочие могут выигрывать от этих организаций.

Единственный вид кооперации, который Лассаль не только признавал, но даже видел в нем решение всего социального вопроса, это были производительные ассоциации. Но так как Лассаль в противность Шульце ясно понимал невозможность самостоятельного развития таких ассоциаций, то он требовал государственной помощи производительным ассоциациям.

Однако из писем Лассалю к Родбертусу⁸⁷ видно, что Лассаль в действительности почти не верил в свои производительные ассоциации с государственной помощью. Ему нужно было указать рабочим какое-либо ясное и простое средство решения социального вопроса, и он остановился на плане Луи Блана, который ему казался наиболее удобным для агитационных целей.

Таким образом, знаменитый противник Шульце в сущности не верил вообще в значение кооперации. Он придавал значение только политической борьбе рабочего класса и явился создателем политической партии германского пролетариата.

Поэтому вполне естественно, что германская социал-демократия не могла поддерживать кооперативное движение среди рабочих. Маркс относился к кооперации почти так же, как и Лассаль. Единственным видом кооперации, которому он придавал значение, были производительные ассоциации, потребительским же обществом он решительно не сочувствовал. В известной резолюции Интернациональной ассоциации рабочих, осуждающей потребительские общества и рекомендующей производительные ассоциации, нашла себе выражение точка зрения Маркса⁸⁸.

Итак, вожди германского рабочего движения не придавали никакого значения или относились отрицательно к той единственно возможной для рабочего класса кооперации, которая получила такое блестящее развитие в Англии. Соответственно этому и в согласии с общим строем германской общественной жизни германское рабочее движение сосредоточилось на многие годы на политической борьбе.

Однако как ни могущественно было влияние духовных отцов германской социал-демократии, равно как и тех условий германской жизни, которые толкали рабочих на политическую борьбу, потребность в потребительской кооперации была слишком настоятельна именно среди рабочего класса, ибо бюджет рабочего особенно страдал от вздорожания предметов потребления. И вот мы видим, что наряду с потребительскими обществами средних классов начинают развиваться и пролетарские потребительские общества.

Так как единственной общественной организацией, объединявшей кооперативное движение Германии (кроме райффайзе-новской организации, охватывавшей сельскохозяйственные кооперативы), долгое время был основанный Шульце Всеобщий союз германских промышленных и хозяйственных товариществ, основанных на самопомощи, то вполне естественно, что пролетарские потребительские общества развивались в пределах именно этого союза.

И вот в пределах союза Шульце, объединявшего кооперативы мелкой буржуазии и проникнутого классовым духом этого общественного слоя, появились и начали быстро расти элементы совершенно иного общественного порядка.

На этой почве не могла не возникнуть в пределах союза борьба между двумя противоположными кооперативными течениями, борьба, отнюдь не вызванная какими-либо влияниями со стороны (ибо социал-демократия относилась с прежним равнодушием или

пренебрежением к пролетарским кооперативам), но всецело вызванная внутренней противоположностью пролетарской и мелкобуржуазной кооперации.

Один из основных тезисов кооперативной теории Шульце: кооперация должна иметь внеклассовый характер и объединять по возможности все общественные классы, осуществляя, таким образом, в пределах современного общества и на основах частной собственности и свободы предпринимательства социальный мир. Правда, о примирении классов много говорил и Оуэн, но для Оуэна такое примирение было возможно только после прекращения капиталистического строя и создания нового общественного мира на коммунистических началах. Шульце же считал возможным примирение классов в пределах существующего капиталистического мира.

Соответственно этому и союз, основанный Шульце, стремился объединить все виды кооперативов, а в пределах каждого кооператива объединить лиц возможно более различных общественных классов. Формально это и достигалось: мы видели, например, что в народных банках Шульце членами были лица всех общественных классов, начиная от крупных капиталистов и земледельцев и кончая фабричными рабочими.

Но это объединение имело лишь формальный характер: в каждом кооперативе, по самому существу дела, получали преобладание лица тех общественных классов, интересам которых эти кооперативы наиболее соответствовали. Так, в народных банках решительно преобладали мелкие торговцы и промышленники (а также, в меньшей степени, и мелкие сельскохозяйственные предприниматели). Что касается потребительских обществ, то долгое время они также были под преобладающим влиянием средних классов.

В это время германские потребительские общества не следовали рочдельским принципам и преследовали узкие цели удешевления предметов потребления. В них господствовал такой же мелкобуржуазный дух, как и в народных банках. Но так как потребительский интерес далеко уступает по своему значению для предпринимателя интересам его предприятия, то неудивительно, что потребительские общества, хотя и составляли одно из звеньев мелкобуржуазной кооперативной системы Шульце, играли в его союзе роль пасынка. И это тем более, что потребительские общества, несмотря на полное отсутствие в них каких-либо широких общественных целей, по самой своей природе плохо укладывались в эту систему. Ведь одной из главных, если не самой главной целью всей этой системы, Шульце признавал сохранение и укрепление средних классов общества. Между тем потребительские общества имеют неизбежную тенденцию вытеснять торгового посредника, влиятельнейшего представителя средних общественных классов. Торговые и промышленные предприниматели, интересам которых служили народные банки, игравшие господствующую роль в союзе Шульце, не могли поэтому не смотреть косо на своего собрата по союзу, который подрывал основы их благосостояния.

3. Раскол в кооперативном движении Германии

Такое положение таило в себе зародыш раскола. Для потребительских обществ естественной общественной средой являются фабричные рабочие. Равнодушие германского пролетариата к потребительским обществам объяснялось особыми историческими условиями германского рабочего движения, сосредоточившегося на политической борьбе. Рано или поздно, несмотря на все неблагоприятные идеологические влияния лассальянства и марксизма, рабочие должны были пойти тем путем, который определялся их настоящими жизненными интересами.

И вот мы видим, что начиная с девяностых годов, когда отмена закона против социалистов дала возможность более нормального и мирного развития германского рабочего движения, в Германии начинает быстро расти уже пролетарская потребительская кооперация. Она вливается в то единственное русло, которое дала для нее германская жизнь, — в мелкобуржуазный союз Шульце.

Вместе с усилением в союзе пролетарского элемента начинается в пределах Союза все более ожесточенная борьба между руководителями союза и пролетарскими потребительскими обществами. Правление союза опасалось роудельского направления развития потребительской кооперации. Оно желало бы, чтобы потребительские общества ограничивались скромной задачей покупки нужных им товаров по оптовым ценам и перепродажи их своим членам; но оно решительно не сочувствовало образованию потребительскими обществами единого для всей страны общества оптовых закупок и возникновению самостоятельного производства объединенных потребителей.

Вместе с тем правление союза всячески препятствовало самостоятельному объединению потребительских обществ. Последние должны были, по мысли правления, быть объединены лишь постольку, поскольку они были наряду с другими кооперативами членами общего союза; при этом нужно иметь в виду, что в союзе представители потребительских обществ были в меньшинстве сравнительно с представителями мелкобуржуазной кредитной кооперации.

Все эти неблагоприятные условия не мешали росту пролетарской кооперации, очень быстро, несмотря на все препятствия, принявшей и в Германии ту самую форму, которая явилась залогом силы английской кооперации.

Центром нового потребительского движения становятся саксонские потребительские общества, среди членов которых огромным преимуществом пользовались фабричные рабочие.

Пока германские потребительские общества были в руках мелкобуржуазных элементов, они слабо развивались и были неспособны перейти на высшую ступень — к собственным оптовым операциям. К половине семидесятых годов общее число членов потребительских обществ Германии достигало лишь 90 тыс. чел., а к половине восьмидесятых годов это число возросло только до 120 тыс. Попытки создать общество оптовых закупок оканчивались неудачей потому, что потребительские общества боялись рисковать своим капиталом.

Все это было вполне естественно: потребительское общество из среды средних классов неспособно ни к какому крупному предприятию на новых началах, так как такое предприятие неизбежно сопряжено с известным риском. Пролетарское общество не боится риска потому, что оно преследует более широкие цели, а не только свои узкие хозяйственные выгоды.

С половины восьмидесятых годов и особенно с начала девяностых в Германии начинает расти пролетарская потребительская кооперация. Это сопровождается и быстрым ростом числа членов потребительских обществ. К половине девяностых годов это число достигает уже 300 тыс. чел., а в настоящее время приближается к трем миллионам. Рост этот был создан преимущественно приливом в потребительские общества пролетариата. Вместе с этим изменением классового состава потребительских обществ стало изменяться общее направление их хозяйственной деятельности.

Уже давно потребительские общества делали попытки объединиться вне рамок союза Шульце. Союз относился к таким попыткам очень враждебно, он стремился объединить в своих рамках все кооперативное движение Германии и, таким образом, подчинить своему влиянию и обезвредить с точки зрения интересов средних классов пролетарскую кооперацию.

Все попытки создать общество оптовых закупок встречали самое горячее сопротивление Шульце под предлогом трудной осуществимости такого предприятия. Но истинный смысл сопротивления Шульце лучше всего выражен был в его органе «Blätter für Genossenschaftswesen» при обсуждении одного подобного проекта. «Централизация закупок, — заявлялось в этом органе, — если бы и была осуществима, может быть желательна только как последствие социалистического государства, но противоречит духу германской кооперации».

Действительно, образование общества оптовых закупок противоречило духу мелкобуржуазной кооперации, выразителем которой был Шульце.

В конце концов благодаря усилиям главным образом саксонских пролетарских потребительских обществ общество оптовых закупок все же возникло в 1894 г. в Гамбурге. Быстрый успех этого общества был лучшим доказательством неосновательности всех опасений, которые высказывались правлением союза Шульце, точнее говоря, доказательством неискренности этих опасений.

Дальнейший рост пролетарской кооперации в пределах союза, проникнутого мелкобуржуазным духом, сделался в конце концов невозможным и привел к полному разрыву. Несмотря на то что пролетарские потребительские общества не находились ни в какой связи с социал-демократической партией, которая продолжала сохранять по отношению к ним враждебную позицию, правление союза навязывало этим потребительским обществам социал-демократические тенденции, что было равносильно доносу на них перед полицейскими властями.

Обвинения такого рода высказывались правлением союза совершенно официально. Так, например, в официальном издании союза «Jahrbuch des allgemeinen Verbandes» за 1902 г., в отчете секретаря союза Крюгера, встречаем по этому поводу следующие строки:

“ «В кругах потребительских обществ нередко стараются доказать отсутствие какой бы то ни было связи между социал-демократической партией и новейшими потребительскими обществами. Для чего, однако, скрывать истину? Во влиятельных органах социал-демократии обнаруживается полнейшая перемена взглядов. Именно через посредство потребительских обществ социал-демократия надеется осуществить так называемое эволюционистское движение. Оставим в стороне вопрос о том, занимаются ли потребительские общества политикой... Правление союза должно занять определенную позицию по отношению к хозяйственному направлению этого движения. И правление не может одновременно соглашаться с теми воззрениями, которые имеют в виду коренное преобразование хозяйственного строя, повсеместную замену частнохозяйственных предприятий кооперативами, соглашаться с надеждами, что когда-либо вся хозяйственная жизнь сложится в одну кооперацию, и в то же время указывать кредитным товариществам, ремесленным кооперативам и т. п. пути и способы, посредством которых эти кооперативы могут стать опорой существующего хозяйственного строя. Совершенно ошибочно заключать из этого, что Всеобщий союз должен поэтому занять отрицательное положение по отношению к потребительским обществам вообще. И потребительские общества могут укладываться в рамки существующего хозяйственного строя и в качестве таковых работать рука об руку с другими кооперативами. Несовместимы с задачами Всеобщего союза цели тех потребительских обществ, которые стремятся к преобразованию существующего хозяйственного строя».

Подобные обвинения приводили к тому, что правительственные власти различных германских государств получили возможность ссылаться на официальные заявления руководителей Всеобщего союза в своих преследованиях рабочих потребительских обществ. Так, саксонское правительство основывалось на заявлениях Крюгера в записке, которой оно обосновывало проект подчинения потребительских обществ обычному торговому обложению.

Во всяком случае, Крюгер был прав, утверждая, что задачи союза были несовместимы с целями пролетарских потребительских обществ. В то время как эти общества боролись с торговыми посредниками и стремились вытеснить их кооперативной организацией, союз стремился к укреплению и организации торгового капитала. На одном из съездов союза была принята резолюция, приглашавшая торговцев образовывать союзы для совместной закупки нужных им товаров. Иными словами, союз становился с полной откровенностью на сторону торгового капитала против потребительской кооперации.

Это не могло не вызвать взрыва негодования в кругах рабочих потребительских обществ. Но правление союза нисколько не было смущено этим и продолжало с еще большей решительностью свою политику провоцирования потребительских обществ.

На конгрессе союза 1901 г. в Баден-Бадене была принята по предложению правления следующая резолюция относительно потребительских обществ:

“ «Задачи потребительских обществ лежат в хозяйственной области: общества эти доставляют менее обеспеченным классам населения выгоды закупки предметов потребления в крупных размерах и могут, если условия этому благоприятствуют, удовлетворять потребности своих сочленов и при помощи собственного производства. Присоединения к этому иной более широкой хозяйственной деятельности, не связанной непосредственно с названными задачами, является нежелательным. Преследование политических целей прямо или косвенно и поддержание классовых или сословных организаций находятся в противоречии с задачами потребительских обществ».

Большинство представителей рабочих потребительских обществ высказалось за эту резолюцию, так как они также были сторонниками политического нейтралитета потребительских обществ.

Разрыв произошел на конгрессе в Крейцнахе в 1902 г.

Правление союза предложило исключить из союза целый ряд пролетарских потребительских обществ, и предложение это было принято значительным большинством членов конгресса. В прениях по этому поводу нашли яркое отражение принципиальные различия мнений обоих враждебных течений германской кооперации: пролетарского и мелкобуржуазного.

Что касается этого последнего, то его квалификация как мелкобуржуазного была принята самими его представителями.

“ «Некоторые члены, — заявил секретарь союза Крюгер, — желали бы уничтожения существующего, так называемого капиталистического хозяйственного строя. Они называют шульце-деличевскую кооперацию мелкобуржуазной; я принимаю это наименование мелкобуржуазной кооперации и думаю, что мы можем испытывать только чувство гордости, если наши кооперативы называют мелкобуржуазными, ибо этим доказывается, что они служат интересам средних классов и рабочих классов, что они желают уничтожить пропасть, которая лежит между сильными и слабыми. Задача наших товариществ заключается в том, чтобы

поднять общий уровень хозяйственного благосостояния». В своей речи Крюгер заявил, что в союзе не место тем кооперативам, которые стремятся к уничтожению торговли и ремесла, стремятся к развитию кооперации не ради непосредственных выгод ее участников, а для «создания новой хозяйственной системы».

Что касается Крюгера, то он не только не считал желательным вытеснение потребительскими обществами торговых посредников, но, наоборот, хотел бы укрепления торговцев при помощи той самой организации, которую выдвинула кооперация посредством объединения торговцев в общества совместной закупки.

“ «Следует, наконец, всем признать, что кооперативная организация есть новая форма торгового предприятия, пригодная как для потребителей, так и для торговцев. Действительно, мы замечаем теперь между торговцами стремление создавать союзы на кооперативной основе. Если эти круги желают извлекать все доступные им выгоды из кооперативной организации, то справедливо было бы, чтобы среди них прекратилась всякая агитация против той кооперации, которая считает себя самоцелью. Напротив, если они агитируют против тех потребительских обществ, которые заявляют: наша цель заключается в уничтожении торговли, то такая агитация естественна и неизбежна».

Крюгер был, безусловно, прав, когда настаивал на том, что в пределах союза нельзя было совместить два совершенно противоположных кооперативных течения, из которых одно стремится к поддержанию и укреплению средних классов общества, а другое направлено к уничтожению последних.

Противоположное направление германской кооперации было представлено в конгрессе Рино, Пеусом, Эльмом и др. Рин указал, что Шульце-Делич не различал рабочих и ремесленников и что он не понимал сущности рабочего вопроса. Устранение торгового посредника неизбежно связано с самым фактом существования потребительских обществ, и потому всякий сторонник потребительских кооперативов является тем самым врагом торгового посредничества. То направление кооперативного движения, с которым борется правление союза, соответствует ходу экономического развития, и в этом его сила.

“ «Мы, представители так называемого современного направления, — сказал Эльм, — стремимся к тому же, к чему стремятся и столь несовременные англичане, которых раньше так расхваливал Крюгер и стремления которых всегда одобрялись им, пока эти стремления не получили распространения в Германии; но как только оказалось, что в Германии делаются попытки

направить развитие потребительских обществ по тому же руслу, как и в Англии, Крюгер выступил против нас и старался помешать нам делать то же, что давно сделали в Англии. Это — факт, который не подлежит оспариванию».

Спор этот закончился исключением из Всеобщего союза пролетарских потребительских обществ. Хотя представители этих последних сделали все возможное, чтобы остаться в пределах союза, будущее показало, что противники их были совершенно правы, настаивая на их уходе. Действительно, совместное пребывание в одной организации представителей двух совершенно противоположных общественных течений было невозможно, и раскол был в интересах обеих сторон.

Глава II. Мелкобуржуазная кредитная кооперация

1. Характеристика народного банка Шульце

Кредитная кооперация обслуживает нужды тех общественных классов, которые ведут самостоятельное хозяйство. Пролетариат не испытывает существенной нужды в кредитных кооперативах, так как наемный рабочий не ведет самостоятельного хозяйства. Поэтому кредитная кооперация существует преимущественно в двух формах — крестьянской и мелкобуржуазной кооперации.

Мелкобуржуазная кредитная кооперация получила наибольшее развитие в Германии, и на примере этой страны можно с наибольшей отчетливостью наблюдать естественные тенденции развития этого рода кооперации. В кооперативной теории Шульце кредитная кооперация играла самую скромную роль. Но в действительной жизни кредитная кооперация в форме ссудо-сберегательного товарищества явилась, как сказано, главным содержанием всего кооперативного движения, созданного Шульце.

Что же такое представляют собой по своей внутренней природе ссудо-сберегательные товарищества Шульце? Каким реальным целям они служат?

Характернейшим признаком кооператива нужно считать некапиталистическую цель данной организации. В то время как капиталистические предприятия стремятся к получению наибольшей прибыли на затраченный капитал, кооперативные предприятия имеют своей целью либо увеличение трудовых доходов своих членов, либо сокращение расходов последних на их потребительские нужды. Крестьянские кредитные товарищества райффайзеновского типа являются несомненными кооперативами, так как капиталистических целей они не преследуют и преследовать не могут, ибо они почти не имеют или совсем не имеют паевого капитала. Задача их сводится к доставлению членам товарищества кредита на возможно более выгодных условиях, т.е. по возможно более низкому проценту. Никаких капиталистических доходов они давать не могут.

Иное нужно сказать о ссудо-сберегательных товариществах Шульце. По самой своей природе они имеют двойственный характер. Правда, они преследуют и те цели, которые ставят себе кредитные товарищества райффайзеновского типа: они стремятся к доставлению своим сочленам наиболее дешевого кредита. Но к этой цели кредитные организации, созданные Шульце, прибавляют и другую, совершенно противоположную —

обеспечить своим пайщикам возможно больший дивиденд на пайщицкий капитал.

Поскольку организации этого рода стоят на почве первой задачи, они являются кооперативами; поскольку же они преследуют цели второго рода, они ничего общего с кооперацией не имеют и должны быть причислены к организациям капиталистическим.

Эта двойственность целей знаменует собой двойственность и внутренней природы кредитных организаций Шульце. В состав шульцевского народного банка входят члены с существенно различными хозяйственными интересами: одни ищут наиболее выгодного помещения своего капитала, другие — дешевого кредита.

По поводу «погони за дивидендом» шульцевских кредитных организаций велась долголетняя полемика между Шульце и Райффайзеном, упрекавшим Шульце, что его товарищества преследуют капиталистические цели. И конечно, в этом споре был прав Райффайзен.

Правда, сам по себе принцип паевого капитала не противоречит сущности кооперации. Почти все кооперативы, кроме райффайзеновских кредитных товариществ, имеют паевой капитал. Однако между паевым капиталом шульцевского кредитного товарищества и паевым капиталом других кооперативов имеется существенное различие.

Паевой капитал в других кооперативах появляется вследствие невозможности для этих кооперативов привлечь в свое предприятие необходимый для функционирования последнего капитал иначе, как в форме паевого капитала. Но паевой капитал этих кооперативов не имеет ничего общего с паевым капиталом капиталистических предприятий.

В капиталистических предприятиях весь чистый доход предприятия разверстывается пайщиками пропорционально паям каждого. Напротив, пайщики кооператива получают лишь определенный (по возможности более низкий) процент на свой капитал; чистый же доход предприятия разверстывается не пропорционально паям, а пропорционально тому участию, которое каждый член принимает в оборотах кооператива: в потребительских обществах остаток за покрытием всех расходов разверстывается между покупателями пропорционально закупкам каждого, в кооперативах по сбыту — пропорционально поставленному каждым товару и т.д.

Таким образом, пайщицкий капитал кооператива аналогичен той доле капитала капиталистического предприятия, которая получена предприятием в кредит. Если взять акционерную компанию, то пайщицкий капитал кооператива аналогичен не акционерному, а облигационному капиталу.

Напротив, в ссудо-сберегательном товариществе Шульце паевой капитал вполне аналогичен паевому капиталу капиталистического предприятия: на паевой капитал начисляется не определенный, возможно более низкий процент, но дивиденд, величина которого измеряется в зависимости от чистого дохода товарищества. Дивиденд ссудо-сберегательного товарищества принципиально ничем не отличается от дивиденда акционерной компании, и, значит, паевой капитал народного банка Шульце аналогичен не

облигационному, а акционерному капиталу акционерной компании.

Чтобы быть действительно кооперативом, ссудо-сберегательное товарищество должно было бы распределять свой чистый доход не пропорционально паям, а пропорционально тому, в какой мере члены товарищества содействовали его оборотам, пользовались его услугами, — пропорционально количеству полученного каждым кредита. Это было бы кооперативным распределением чистого дохода, между тем как то распределение, которое практикуется народными банками, характерно для капиталистических, а не кооперативных предприятий.

Итак, уже основные принципы устройства ссудо-сберегательного товарищества сближают его с капиталистическим предприятием. Неудивительно, что ссудный процент в ссудо-сберегательных товариществах Шульце стоит сравнительно на высоком уровне.

Вначале, пока эти товарищества не накопили своего собственного значительного капитала, ссудный процент был даже очень высок. Так, по сообщению самого Шульце, его народные банки вначале вносили обычно 14 % годового процента со своих клиентов, причем этот огромный процент распределялся следующим образом: 5 % шли на уплату процентов по капиталам, помещаемым в товариществе лицами, ему посторонними, 3 % шли на покрытие расходов по управлению товариществом, остальное же шло на дивиденд пайщикам, что могло составить очень крупный дивиденд, принимая во внимание, что пайщицкий капитал был значительно ниже чужих капиталов, которыми работало товарищество.

Правда, с течением времени ссудный процент в шульцевских товариществах был значительно понижен, в шестидесятых годах он спустился до 8 %, а теперь обычно колеблется между 3 и 7 %. Но нужно иметь в виду, что ссудо-сберегательные товарищества Шульце являются очень хорошо организованными кредитными учреждениями. Кредитуя из 5-7 %, народные банки имеют возможность по-прежнему выдавать внушительные дивиденды своим пайщикам. Большинство товариществ выдает дивиденд в размере 5-8 % паевого капитала, но некоторые выдают дивиденд в размере 10-12 % и даже выше.

Точно так же и служба членов правления шульцевских народных банков оплачивается по обычной капиталистической расценке, что является разительным контрастом с действительно кооперативной организацией райффайзеновских товариществ, в которых труд членов правления и совета принципиально совсем не оплачивается.

Пойдем дальше. Истинный кооператив ведет свои операции со своими членами, а не с посторонними лицами. Так, в райффайзен-новском товариществе кредит получают только члены. Напротив, шульцевские народные банки с самого своего возникновения вели значительные операции с лицами, не принадлежавшими к составу членов. Операции с не-членами привели многие народные банки к крушению в семидесятые годы прошлого столетия благодаря финансированию дутых предприятий, отчего страдают и обыкновенные банки.

В семидесятые годы погибло немало более крупных и богатых народных банков, ближе всего подходивших по своим операциям к обычным банкам, как, например, народные банки в Дрездене (в 1873 г.), в Дюссельдорфе (в 1875 г.), в Штутгарте (в 1885 г.), в Россвейне,

Лейбусе и многих других городах. Особенное значение имело крушение Дюссельдорфского ссудо-сберегательного товарищества, которое Цейдлер, автор известной истории германской кооперации, называет «величайшим несчастьем, которое когда-либо постигало германскую кооперацию». И действительно, в результате этого крушения 22 народных банка рейнских провинций ликвидировали свои дела в качестве ссудо-сберегательных товариществ и приняли форму акционерных банков.

И по размерам паев кредитные организации Шульце не очень далеко отстоят от небольших капиталистических банков. При этом замечается, что с течением времени сумма паевого капитала, приходящегося на одного пайщика, быстро возрастает. Так, например, в 1903 г. в товариществах, входивших в состав Всеобщего союза Шульце, на одного члена приходилось 276 марок паевого собственного капитала, в 1908 г. уже — 336 марок.

Кооператив предполагает деятельное участие членов в управлении делом. Напротив, в народных банках Шульце большинство членов так же индифферентно относится к общему делу, как и большинство акционеров в акционерном предприятии. Общие собрания бывают, как общее правило, только раз в год, причем и это годовое собрание посещается очень плохо, на что обычно жалуются правления. Мало этого, большое число членов народных банков (среднее число членов на один такой банк достигало в 1912 г. 661 чел., а во многих банках число членов достигает несколько тысяч человек) приводит к тому, что общее собрание членов заменяется собранием уполномоченных. При таком порядке связь между рядовым членом и общим предприятием еще ослабевает и от «кооперативного духа» не остается почти ничего. Всем фактически управляет небольшая группа руководителей совершенно так же, как и в обычных капиталистических товариществах.

Точно также и операции народных банков очень мало отличаются от обычных банковых операций. Главнейшими активными операциями их являются контокоррентный кредит и учет векселей. Ссуды под долговые расписки членов практикуются в ничтожных размерах; ссуды под векселя более распространены, но все же уступают чисто капиталистическим формам кредита. При самом возникновении народных банков преобладали некапиталистические формы кредита, теперь же замечается обратное:

Открытый народными банками кредит (марок)

Вид кредита	1880 г.	1912 г.
Под векселя	550,3	1103,2
Под долговые расписки	100,5	225,9
Учёт векселей	299,2	1268,1
Ипотечный кредит	9,0	158,9
Контокоррентный кредит	488,4	2286,6
Итого	1447,2	4984,8

Учет векселей и контокоррентный кредит являются важнейшими кредитными операциями капиталистических коммерческих банков. Поскольку народные банки являются организациями некапиталистического кредита, для них характерен преимущественно кредит под долговые расписки. И мы видим, какое ничтожное значение имеет эта операция в балансах народных банков; в 1880 г. она составляла всего 0,7 % всех кредитных операций этих банков, а с 1912 г. — даже менее 0,5 %. Напротив, учет векселей и контокоррент составляли в 1880 г. 55 % всех операций, а в 1912 г. — уже свыше 70 %.

Что касается величины открываемого народными банками кредита, то об этом дают представление нижеследующие данные:

Высшие размеры кредита на одно лицо

В 40 народных банках Берлина и окружающих местностей

Количество банков	Высший кредит
1 банк	500 000 марок и выше
5 банков	200 000 марок
7 банков	100 000 марок
4 банка	50 000 марок
9 банков	20 000 марок
6 банков	10 000 марок
8 банков	ниже 10 000 марок

В 63 банках среднего Рейна

Количество банков	Высший кредит
1 банк	300 000 марок и выше
2 банка	200 000 марок
8 банков	100 000 марок
6 банков	50 000 марок
18 банков	20 000 марок
14 банков	10 000 марок
12 банков	ниже 10 000 марок

Не говоря уже о кредите в 500 000 марок или 400 000 и 300 000 марок на одно лицо, даже кредит в 10 000 марок на одно лицо не может считаться мелким кредитом. Но, как видно из приведенных данных, почти все народные банки практикуют кредит свыше 10 000 марок на одно лицо; иными словами, почти все шульцевские ссудо-сберегательные товарищества являются учреждениями не только мелкого кредита.

В то время как кредитные товарищества райффайзеновского типа неизбежно требуют для своего успеха центральных учреждений, объединяющих в себе обширные группы этих товариществ, шульцевские народные банки только в очень ограниченной степени испытывают потребность в таком объединении. Правда, в первое время, пока они были слабы и с трудом находили поддержку у обычных банков, потребность в создании объединяющего центра все же чувствовалась ими и повела к созданию в 1865 г. Немецкого кооперативного банка Зергеля, Паризиуса и К°, который являлся командитным товариществом⁸⁹ на акциях. Акционерный капитал этого банка первоначально выражался очень скромной цифрой в 270 000 талеров, но постепенно по мере развития народных банков возрастал и в конце концов был доведен до 36 млн. марок.

Однако, несмотря на свое название, банк этот далеко не был всецело созданием народных банков: с самого начала последние владели лишь двумя третями его акций, а по мере увеличения его оборотов доля капитала, принадлежавшая шульцевским товариществам, значительно сократилась. Товарищества эти обнаруживали чем дальше, тем меньше интереса к их общему банку, и последний стал все более и более принимать характер обычного акционерного банка. Это повело к тому, что Немецкий кооперативный банк безнадежно запутался в разных рискованных спекуляциях и в конце концов должен был ликвидировать свои операции в связи с кризисом, вызванным крушением Лейпцигского банка в 1900 г.

Дальнейшая судьба этого банка была весьма своеобразна. Ликвидацией его дела занялся Дрезденский коммерческий банк, и Немецкий кооперативный банк перестал существовать как самостоятельное банковское учреждение. Функции центрального учреждения, объединяющего шульцевские народные банки, стал исполнять Дрезденский коммерческий банк, который для этой цели открыл в своих филиальных отделениях особые кооперативные отделы.

Дрезденский банк является одним из крупнейших капиталистических банков Германии. Взявши на себя задачу обслуживать нужды шульцевских ссудо-сберегательных товариществ, он ввел в состав своих органов управления многих выдающихся деятелей шульцевских организаций, в том числе и председателя Всеобщего союза Крюгера. Неожидаемое поглощение Немецкого кооперативного банка обычным капиталистическим не вызвало, по-видимому, никакого недовольства среди руководителей шульцевских организаций, и эти последние вполне примирились с создавшимся новым положением дел.

Таким образом, в настоящее время положение шульцевских кредитных учреждений таково: сами себя они признают кооперативами и в некоторых отношениях, действительно, приближаются к таковым. Но во главе всех этих «кооперативов» стоит объединяющий их уже вполне капиталистический и ничего общего с кооперацией не имеющий Дрезденский банк, принадлежащий к типу капиталистических банковых колоссов.

Впрочем, Дрезденский банк большой роли в деятельности народных банков не играет, потому что банки эти вообще не испытывают значительной потребности в объединяющем центре. Большинство из них стоит настолько прочно, что легко получает нужный кредит из любого банка, подобно всякому другому солидному кредитному учреждению. Отчасти же

тут действовала и действует и иная причина: и сам Шульце и его преемники по руководству Всеобщим союзом всегда относились с известным опасением к тесному хозяйственному объединению отдельных народных банков, опасаясь, чтобы такое объединение не привело к ослаблению самостоятельности этих последних. В данном случае Шульце стоял вполне последовательно на почве экономического либерализма, идеологией которого он был всегда проникнут.

2. Развитие народных банков

Обратимся теперь к цифровым данным относительно развития народных банков:

Год	Число народных банков	Число членов в них
1859*	80	18 676
1865	498	165 595
1870	740	314 656
1875	815	418 251
1880	906	460 656
1885	896	458 080
1890	1072	518 003
1896	1068	525 748
1900	870	511 061
1905	921	539 993
1912	957	632 480

**Год основания Всеобщего союза*

Мы видим, что в шестидесятых годах число шульцевских кредитных организаций быстро растет, равно как и число членов в них. Рост этот продолжается, хотя и несколько замедленным темпом, вплоть до начала девяностых годов. За десятилетие девяностых годов наблюдается падение и числа народных банков, и количества членов в них. Затем возобновляется рост того и другого, но очень незначительный: в 1912 г. число народных банков оказывается более низким, чем в 1890 г.

Отсюда ясно, что народные банки Шульце в противоположность райффайзеновским кредитным товариществам уже пережили период своего наибольшего расцвета, который приходится на семидесятые и восьмидесятые годы прошлого столетия. Теперь народные банки утрачивают свое былое значение, в особенности, если мы будем сравнивать развитие их с ростом других кооперативных организаций. Чем же вызван этот относительный, а отчасти и абсолютный упадок народных банков?

Ответ звучит несколько парадоксально: упадок народных банков вызван их выдающейся хозяйственной успешностью. Именно потому, что народные банки оказались вполне жизнеспособными хозяйственными организациями, они и стали сокращаться в своей численности. Сокращение численности их есть результат не плохого, а хорошего ведения дел: народные банки сходят со сцены не путем ликвидации их как неудачных хозяйственных предприятий, а путем превращения их в высшую для них форму — акционерных капиталистических банков.

Поворотным пунктом в истории этих банков является 1890 г. Что же произошло в этом году? В 1889 г. был издан в Германии новый кооперативный закон, запретивший кооперативным организациям операции с не-членами. Эта статья нового закона дала сильный толчок к развитию большинства германских кооперативов: запрещение операций с не-членами побудило этих не-членов войти в состав кооперативов. Совершенно иначе отозвалась она на народных банках. Так как народные банки имели и имеют мало общего с кооперативами, то операции с не-членами имели для них жизненное значение, и притом с такими не-членами, которые ни в каком случае не вошли бы в состав членов народного банка, принадлежа к классу крупных капиталистов и отнюдь не нуждаясь в услугах этого рода организаций. Капиталистические клиенты народных банков могли найти кредит в других банках, если народный банк отказывал им в кредите.

Поэтому после издания нового кооперативного закона многие из народных банков предпочли отказаться от кооперативной формы для того, чтобы сохранить свою истинную сущность учреждений обычного капиталистического кредита.

Впрочем, не нужно и преувеличивать значение закона 1889 г.: превращение народных банков в акционерные было только ускорено новым законом, но более глубокие причины этого процесса были заложены в самой сущности кредитной организации, созданной Шульце. Своеобразный ход развития народных банков от кооператива к капиталистическому предприятию был неизбежен, как доказал Р. Финк, автор монографии «Das Schulze-Delitzsch'sche Genossenschaftswesen»⁹⁰.

Совершенно так же, как Финк, характеризуют этот процесс и другие исследователи:

“ «Благодаря развитию операций с векселями, шульце-деличевские кредитные товарищества, — говорит, например, Герц в своей работе о банках в Пфальце, — достигли в Пфальце того, что они стали выполнять все функции обычного банка. Неудивительно, что некоторые из этих товариществ, сильно выросшие благодаря успехам в Пфальце торговли и промышленности, перешли под влиянием внешних обстоятельств, а более под влиянием стремления к полному обнаружению своих внутренних сил, к более свободной форме акционерных товариществ. Когда именно совершался этот переход, это зависело существенным образом от отношения к данному вопросу руководителей народных банков. Различные товарищества указывали различные основания для такого перехода.

Промышленный банк в Шпейере и народный банк в Ландау выставляли как основание введенное новым законом ограничение круга клиентов банка только членами. Людвигсхафенский народный банк (впоследствии Пфальцский банк) указывал на желание отказаться от неограниченной ответственности. Но действительное, частью высказываемое, частью не высказываемое основание для таких превращений заключалось в расширении операций этих кредитных учреждений».

Совершенно такой же характер имел ход развития шульцевской кредитной кооперации и в других местностях Германии. Так, Шрейбер в работе о саксонских банках, сообщает:

“ «Из 33 местных акционерных банков, имевшихся в Саксонии в 1892 г., только 6 возникли самостоятельно, все же остальные развились из ссудо-сберегательных товариществ путем превращения их в акционерные общества. В начале восьмидесятых годов в Саксонии возникла усиленная агитация в пользу законодательного разрешения товариществ переходить к ограниченной ответственности. Так как издание соответствующего закона замедлилось, а руководители германской кооперации не обнаруживали сочувствия такому изменению закона, то с половины восьмидесятых годов начались в большом числе переходы товариществ в акционерные компании. Однако страх перед неограниченной ответственностью был только внешним предлогом для таких переходов, внутренняя же причина последних заключалась в развитии самих товариществ. Хорошо руководимые товарищества в сущности переросли рамки товарищеской формы; они приняли характер настоящих банков и в то же время уже давно вели операции не только со своими членами. Начало к этим переходам положил в 1886 г. Лейзницкий банк; в следующем году последовали переходы крупных банков в Пирне и Фрейберге. Последний толчок был дан новым кооперативным законом 1889 г. Правда, закон этот разрешил ссудо-сберегательным товариществам переходить к ограниченной ответственности, но при таких ограничительных условиях, которые были неприемлемы для товариществ, принявших характер настоящих банков. За время 1889-1891 гг. не менее 19 товариществ приняли форму акционерных компаний, в том числе из более крупных банков теперешний Лебауский, Цвиккауский, Фогт-лэндский и др. банки».

Велика тяга ссудо-сберегательных товариществ к акционерной форме: за 1889-1905 гг. 161 шульцевский народный банк превратились в обычные акционерные банки.

Мало-помалу различие между народным банком и капиталистическим банком делается все менее и менее чувствительным. Это сказалось и в том, что Всеобщий союз шульцевских кооперативов постепенно стал включать в себя и акционерные банки. Уже в 1874 г. по

предложению самого Шульце Бременский съезд союза постановил, что в союзе могут оставаться те товарищества, которые приняли акционерную форму.

На Кольбергском съезде прошло постановление еще более важного принципиального значения, а именно было постановлено, что в союз могут вступать и те акционерные банки, которые никогда не были ссудо-сберегательными товариществами. Согласно новому уставу союза, принятому в 1891 г., в союзе могут принимать участие акционерные общества, но лишь с особого согласия в каждом отдельном случае общего съезда. Правда, число акционерных обществ, принимающих участие в союзе, невелико — немногим более десятка, но с принципиальной стороны участие это имеет большое значение: оно воочию обнаруживает, что шульцевские кооперативы чувствуют себя внутренне близкими к капиталистическим товариществам, гораздо более близкими, чем к пролетарским кооперативам, которые были против своего желания исключены из союза в 1902 г.

Выше было указано, что шульцевская мелкобуржуазная кооперация пережила период своего наибольшего расцвета в семидесятые — восьмидесятые годы прошлого века. Действительно, именно в это время народные банки пользовались наибольшим влиянием в германском кооперативном движении: городская кооперация вмещалась почти целиком в рамки основанного Шульце Всеобщего союза. Затем положение начинает изменяться: рядом с мощной деревенской кооперацией, которая вела свое начало от Райффайзена и никогда не сливалась с мелкобуржуазной кооперацией Шульце, начинает делать быстрые успехи и пролетарская кооперация. Что же касается народных банков, то эти организации начинают сокращаться в числе благодаря превращению значительной части их в акционерные банки, новые же народные банки почти перестают возникать после восьмидесятых годов прошлого века.

Однако этот застой шульцевской кредитной кооперации не нужно понимать в том смысле, что народные банки приостановили развитие своих операций. Наоборот, прекращение роста их числа сопровождалось чрезвычайным расширением их операций и вообще улучшением хозяйственной постановки всего дела. Именно после 90-х годов многие из этих товариществ дорастают до уровня благоустроенного капиталистического банка.

Современное хозяйственное положение шульцевских товариществ в полном смысле слова блестяще, и по своей хозяйственной силе они далеко оставляют позади себя истинную кредитную кооперацию, которая в Германии представлена райффайзеновскими товариществами.

Год (Всеобщий союз Шульце)	Открытые кредиты в среднем на 1 товарищество (Всеобщий союз Шульце, тыс. марок)	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество (Всеобщий союз Шульце, тыс. марок)	Год (Имперский союз)	Оборот в среднем на 1 товарищество (Имперский союз, тыс. марок)	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество (Имперский союз, тыс. марок)
1890	1531	135,7	1892	189	7,5
1900	2617	204,8	1900	171	4,8

Год (Всеобщий союз Шульце)	Открытые кредиты в среднем на 1 товарищество (Всеобщий союз Шульце, тыс. марок)	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество (Всеобщий союз Шульце, тыс. марок)	Год (Имперский союз)	Оборот в среднем на 1 товарищество (Имперский союз, тыс. марок)	Собственные капиталы в среднем на 1 товарищество (Имперский союз, тыс. марок)
1912	5230	344,1	1911	418	6,7

С 1890 г. собственный капитал шульцевского товарищества возрос в среднем более чем в два с половиной раза, а сумма открываемого таким товариществом кредита возросла в три с половиной раза. Напротив, райффайзеновский кредитный кооператив, хотя и развил свои обороты в среднем более чем в два раза, не только не увеличил своих капиталов, но стал еще беднее капиталом благодаря тому, что новые кооперативы этого типа, быстро возросшие в своем числе, не имели времени скопить капиталы.

В то время как райффайзеновские товарищества кредитуют только в ничтожной мере своим собственным капиталом, а почти исключительно чужим, шульцевские народные банки имеют столько собственного капитала, что почти на одну треть кредитуют своим собственным капиталом.

Рост оборотов шульцевского товарищества при отсутствии соответствующего роста числа членов является, по справедливому указанию Финка, лучшим доказательством, что товарищество это все более принимает капиталистический характер. Одновременно с этим вся шульцевская кооперация все более и более утрачивает связь с кооперативным движением в Германии.

Всеобщий союз, основанный Шульце, ведет в настоящее время борьбу на два фронта. С одной стороны, он сохраняет свою прежнюю враждебность к пролетарской кооперации, зародившейся в недрах самого союза и исключенной из него в 1902 г., с другой стороны, союз относится резко отрицательно и к государственному вмешательству в кооперацию, которое нашло выражение в деятельности Прусской центральной кассы, основанной в 1895 г.

От деятельности Прусской кассы руководители Всеобщего союза не ожидали ничего хорошего для германской кооперации. При обсуждении в прусском ландтаге соответствующего законопроекта против него решительно высказались представители свободномыслящей партии Шенк и Рихтер⁹¹. Точно так же и на съезде Всеобщего союза в том же году была принята резолюция, рекомендуемая шульцевским товариществам не вступать ни в какие сношения с Прусской кассой, причем Шенк указал, что и без помощи Прусской кассы шульцевские товарищества без труда находят требуемый им кредит, к государственному же банку товарищества эти не могут не относиться враждебно.

“ «Ибо. мы, — сказал Шенк, — убеждены, что вмешательство государства в кооперацию может только повредить кооперативному движению Германии,

мы же остаемся по-прежнему при своих принципах самопомощи, самодеятельности и собственной ответственности».

Такое же враждебное отношение к Прусской кассе Всеобщий союз сохраняет и до настоящего времени. И, конечно, руководители союза правы, указывая, что шульцевские товарищества не нуждаются в государственном кредите, они слишком сильны, чтобы испытывать нужду в такой помощи. Напрасно только деятели Всеобщего союза говорят это от имени всей германской кооперации, которая по своему внутреннему строю не имеет с шульцевскими товариществами почти ничего общего и которая далеко не может находить с такой легкостью нужную ей финансовую поддержку у капиталистических банков, как народные банки.

Таким образом, принципы Всеобщего союза встречают все менее отклика в различных направлениях германской кооперации. И это понятно. Пролетарская кооперация идет совсем другим путем, предуказанным еще рочдельскими пионерами. В крестьянской кооперации господствует райффайзеновское течение, относящееся без всякой враждебности к помощи государства. Что же касается мелкобуржуазной среды, среди которой возникла шульцевская кооперация, то и эта среда является менее благодарной почвой для движения, связанного с именем Шульце, чем она была пятьдесят лет тому назад.

Дело в том, что народные банки Шульце удовлетворяли насущной экономической потребности в пятидесятые — шестидесятые годы прошлого века. Пока в стране не было густой сети обычных капиталистических банков, получение кредита даже для более зажиточных слоев мелкой буржуазии было сопряжено с большими трудностями. Историческая роль шульцевских кредитных учреждений заключалась в том, что они явились первыми организациями, при помощи которых кредит стал доступен для мелкой буржуазии. Но чем более разрасталась сеть обычных капиталистических банков с их бесчисленными отделениями, разбросанными по всей стране, тем менее чувствовалась потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии.

Современный народный банк естественным ходом своей внутренней эволюции все более и более приближается к капиталистическому банку. Но если так, если имеются обычные банки, которые по своему капиталу несравненно сильнее шульцевских и которые в то же время при ожесточенной конкуренции между ними принуждены всюду искать своих клиентов и очень охотно берут на себя обслуживание кредитом тех общественных слоев, которые составляют главную силу народных банков, то для чего нужны эти последние? Конечно, обычные банки не могут кредитовать своих клиентов под долговые расписки, в чем заключалась первоначальная функция шульцевских кредитных учреждений. Но ведь в настоящее время народные банки почти не исполняют этой операции. Для капиталистического кредита — дисконта векселей и контокоррента⁹² — капиталистический банк является более подходящим учреждением, чем народный банк.

Вот это-то обстоятельство и задержало распространение народных банков. Чем более они сближались внутренне с капиталистическими банками, тем менее чувствовалась

потребность в особых кредитных учреждениях для мелкой буржуазии. Дрезденский коммерческий банк превратил прежний центральный банк шульцевских кооперативов в свое собственное отделение к выгоде самих кооперативов. Точно так же поглощение того или иного ссудо-сберегательного товарищества обычным банком ни малейшим образом не сокращает возможности получения кредита для экономически более сильных клиентов этих банков.

Конечно, для более слабых общественных элементов, продолжающих принимать участие в ссудо-сберегательных товариществах, обычный капиталистический банк остается по-прежнему недоступен. Те двести миллионов марок, которые ссудо-сберегательные товарищества выдают в ссуду под долговые расписки, не могли быть выданы обычными банками. Но ведь эти двести миллионов марок составляют ничтожную долю оборотов народных банков.

Более слабые шульцевские товарищества не страдают от конкуренции капиталистических банков: операции этих товариществ не представляют собой ничего заманчивого для обычных банков и не могут исполняться этими последними. Но процветающие ссудо-сберегательные товарищества уже сами являются банками, и конкуренция обычных банков чувствуется ими очень сильно. Поэтому для таких товариществ открыты, по-видимому, только два пути — или превращения в капиталистический банк, или поглощения этими последними.

Этого не могут вполне отрицать и руководители шульцевской кооперации. В одной из недавних брошюр председателя Всеобщего союза Крюгера мы встречаем, например, следующее характерное признание.

“ «С глубокой переменой хозяйственных отношений изменилось и положение кредитных товариществ в хозяйственной жизни. В течение десятилетий они могли рассматривать как свою собственную область удовлетворение потребностей в кредите мелкого и среднего промышленника и даже известной части крупной промышленности и торговли. Теперь положение иное. Для кредитных товариществ возникли сильные конкуренты в лице банков, и с этой конкуренцией кредитные товарищества должны считаться в своих операциях, чтобы не утратить лучшей части своих клиентов и чтобы не пострадать в своих оборотах, что, конечно, не соответствует интересам торговли, промышленности и сельского хозяйства».

Однако Крюгер успокаивает себя следующим соображением:

“ «В настоящее время является праздным вопрос, не окажутся ли для кредитных товариществ с течением времени опасными концентрация крупных банков и расширение сети их отделений по всей стране. Для

ближайшего будущего потребность в кредитных товариществах не прекратится, и для отдельных областей, в их отношении к центрам, было бы невыгодно, если бы независимые ныне кредитные организации утратили свою самостоятельность. Это было бы такой концентрацией, которая причинила бы серьезный ущерб хозяйственному развитию отдельных районов».

Все это очень и очень неубедительно. Несравненно трезвее смотрит на вещи Финк, приходящий на основании тщательного исследования условий развития шульцевской кооперации к следующим заключениям:

“ «Где современное банковое дело достигло своего полного развития, там кредитное товарищество (шульцевское. — М. Т.-Б.) должно отойти в сторону. Но где современные банки еще не укоренились — в маленьких городах и отдаленных, мало заселенных местностях,—там шульце-деличевское кредитное товарищество сохраняет все свое бывшее значение. Большинство шульце-деличевских кредитных товариществ еще удовлетворяет своему прежнему назначению, но та тенденция развития, которая выражается в наиболее преуспевающих шульце-деличевских кредитных товариществах, и приводит к параллелизму между акционерным и народным банком, обозначается все яснее и направляется в сторону господства современной банковской системы. С политико-экономической точки зрения не приходится жалеть об изменении внутренней природы шульце-деличевского кредитного товарищества, ибо оно только с очевидностью доказывает, что самопомощь нуждающихся в кредите не есть еще единственный выход из кредитной дилеммы прежних десятилетий. Ибо невозможно утверждать, что самопомощь в области кредита образует собой высшую ступень сравнительно с системой современного банкового дела... Первоначальное значение шульце-деличевской кредитной организации все более отходит в прошлое, и в этом нет ничего странного, если вспомнить, что эти хозяйственные учреждения существуют в наше быстро идущее вперед время уже 60 лет».

С этим заключением можно только согласиться. Кооперативная система Шульце имела большое историческое значение, но расцвет ее не мог быть продолжительным; имея своей социальной средой мелкую буржуазию в противоположность пролетарской рочдельской и крестьянской райффайзеновской кооперации, система эта, естественно, тяготеет к капиталистическим формам и сливается с капиталистическими организациями при полном успехе. В то время как рочдельская и райффайзеновская кооперативные системы заключают в себе существенно новые хозяйственные принципы, преобразующие современный хозяйственный строй, шульцевская кооперация есть не что иное, как преходящее хозяйственное явление, свойственное незрелой форме капитализма и

исчезающее по мере дальнейшего развития капиталистического строя.

3. Возникновение в России ссудо-сберегательных товариществ

В России ссудо-сберегательные товарищества были созданы под непосредственным влиянием идей Шульце, бывшего вдохновителем Лугинина, пионера русской кредитной кооперации. Однако наши ссудо-сберегательные товарищества, история которых начинается от Дороватовского товарищества Рождественской волости Ветлужского уезда, составляют существенно иной тип, чем народные банки Шульце. Разница заключалась в том, что народные банки были кредитными организациями мелкой буржуазии, а ссудо-сберегательные товарищества, ведущие свое начало от Лугинина, должны были, по его замыслу, быть организациями крестьянскими.

Иными словами, Лугинин задумал перенести в среду русского крестьянства германские учреждения, приспособленные к нуждам и социальным особенностям германской мелкой буржуазии. Понятное дело, что такая попытка не могла иметь успеха. Хотя основные черты устройства русского ссудо-сберегательного товарищества и были глубоко переработаны Лугининым и его преемниками по делу, тем не менее кое-что весьма существенное было сохранено из первоначального образца этих товариществ в Германии, и прежде всего был сохранен принцип паевого капитала.

Правда, паи в крестьянских ссудо-сберегательных товариществах, которые в довольно большом числе возникали в семидесятых годах прошлого века в различных районах деревенской России, были, во-первых, невелики, а во-вторых, до известной степени номинальны в том смысле, что пай не вносился членом товарищества из его собственных средств при поступлении в товарищество, но вычитался из получаемой им из товарищества ссуды. Однако и в таком виде пай все же должен был уплачиваться членом, что при крайней бедности нашего крестьянства делало эти товарищества непригодными для среднего крестьянина. Только немногие более зажиточные члены крестьянского общества могли справляться с требованием уплаты пая.

Таким образом, уже принятие принципа паевого капитала делало ссудо-сберегательные товарищества непригодными для русской деревни. Еще, однако, важнее как причина неудачи их было то, что товарищества эти менее всего основывались на самостоятельности населения и в этом отношении самым резким образом отличались от своего германского образца. Все эти товарищества насаждались сверху, сначала несколькими благожелательными интеллигентами, а затем земствами, т. е. в конце концов теми же интеллигентами. Как только ссуды земства стали сокращаться, стало соответственно падать и число вновь открываемых ссудо-сберегательных товариществ:

Годы	Открыто товариществ	Получили ссуды от земства	В процентах
------	---------------------	---------------------------	-------------

1871-1875	503	268	53
1876-1880	481	109	23
1881-1885	194	38	19

Щедрые ссуды со стороны земств приводили к тому, что товарищества возникали сплошь и рядом только ради получения этих ссуд, которые разверстывались между учредителями товарищества, чем и заканчивалась деятельность последнего. Неудивительно, что большая часть этих товариществ просуществовала очень недолго.

Годы	Число открытых товариществ	Число товариществ, закрытых к 1 января 1905 г.	В процентах
1871-1875	503	356	71
1876-1880	481	295	61
1881-1885	194	85	44

Наименее жизнеспособными оказались товарищества, возникшие в первую половину 70-х годов, когда земства были всего щедрее на выдачу ссуд и число вновь открываемых товариществ было особенно велико.

Правда, некоторая доля товарищества выживала, но нужно иметь в виду, что значительная часть этих выживших товариществ почти не функционирует в качестве действительных учреждений кредита и занята преимущественно «перепиской» ссуд — возобновлением их по отношению к первоначальным заемщикам.

4. Мелкобуржуазная кредитная кооперация в России

Эти первые деревенские ссудо-сберегательные товарищества представляли собой неудавшуюся попытку создать крестьянскую кредитную кооперацию. Однако рядом с ссудо-сберегательными товариществами в крестьянской среде (для которой данный тип кредитного учреждения был решительно неподходящим) такие же товарищества возникают и в иной социальной среде, той же самой, среди которой они так пышно расцвели в Германии, — в среде мелкой буржуазии.

Как правильно указывает С. Н. Прокопович, одновременно с этими неудачными опытами насаждения сверху кооперативного кредита у нас возникает гораздо более жизнеспособное аналогичное движение в среде городской мелкой буржуазии. Уже в 1867 г. некий Дидерих устраивает среди ремесленников (немецких) г. Петрограда ссудо-сберегательное товарищество. Правда, это городское движение казалось очень скромным сравнительно с деревенским: в то время как в деревнях новые товарищества возникали в семидесятых

годах сотнями, в городах — только десятками. Но зато эти немногие городские ссудо-сберегательные товарищества оказались гораздо жизнеспособнее, как видно из нижеследующих данных.

Годы	Число вновь открытых городских товариществ	Закрытых к 1 января 1905 г.	В процентах
1866-1870	3	—	—
1871-1875	102	65	64
1876-1880	76	33	43
1881-1885	61	12	19

Таким образом, мало-помалу шульцевские кредитные организации находят для себя в России подходящую социальную среду, каковой у нас, как и в Германии, является городская буржуазия. Соответственно этому ссудо-сберегательные товарищества, начиная с половины девяностых годов прошлого века, открываются преимущественно не в деревнях (как раньше), а в городах.

Весьма интересно отношение народнической печати шестидесятых и семидесятых годов к попыткам насаждения в нашей деревне шульцевских организаций кредита. Отношение это было резко отрицательным. Самопомощи крестьян, нуждающихся в кредите, наши народники противопоставляли помощь таковым со стороны государства, кооперативному кредиту — кредит общинный. Ссудо-сберегательные товарищества были объявлены «Отечественными записками»⁹³ учреждениями буржуазными, направленными против интересов массы крестьянского населения.

“ «Массе рабочего сословия, — писали “Отечественные записки”, — несколько не будет легче от того, что из среды ее выдвинется ничтожный процент и обзаведется капиталом; напротив, по всей вероятности, ей будет несравненно тяжелее, потому что этот капитал будет стоять непосредственно над ней и действовать в одном и том же поле действия с ней».

С. Н. Прокопович склонен видеть в этом отрицательном отношении народнической печати к насаждению в деревне ссудо-сберегательных товариществ только непонимание народниками важности кооперации. Однако в действительности тут было не одно непонимание кооперации, но и совершенно правильная оценка непригодности шульцевской кооперации для массы крестьянства. Народническая печать была права, признавая ссудо-сберегательные товарищества учреждениями «буржуазными», но она ошибалась, отождествляя с шульцевской кооперацией кооперацию вообще; с райффайзеновской кооперацией наша печать того времени была совершенно незнакома, но вряд ли можно допустить, чтобы наши народники отнеслись к райффайзеновским товариществам с таким же осуждением, с которым они отнеслись к шульцевским товариществам.

Как бы то ни было, ссудо-сберегательные товарищества нашли для себя в России подходящую почву и распространились преимущественно в среде мелкой буржуазии. В этой среде они достигли значительного успеха и обнаружили тенденцию развиваться так же, как и в Германии, — в сторону сближения с капиталистическими учреждениями кредита.

Что следует сказать, например, относительно польских ссудо-сберегательных товариществ.

По компетентному свидетельству г. Храневича, крупные ссудо-сберегательные товарищества в Польше — «кооперативы лишь по имени». Они широко практикуют различные формы капиталистического кредита, учитывают векселя, выдают ссуды под залог процентных бумаг и пр. Установленные уставом предельные размеры для ссуд не соблюдаются, и товарищества практикуют вместо мелкого крупный кредит. Ввиду этого официальные органы надзора за учреждениями мелкого кредита советовали некоторым таким товариществам сбросить форму товарищества и принять устав вполне капиталистических обществ взаимного кредита. Советы эти, однако, отвергались товариществами ввиду того, что форма товарищества дает значительные преимущества по отношению к взысканию долгов с неисправных должников.

Еще более капиталистический характер имеют ссудо-сберегательные товарищества Прибалтийского края. Они являются одними из наиболее старых русских товариществ и наилучше организованных. Паевой капитал на члена достигает во многих из них сотен рублей, ссуды — еще больших размеров. Так, например, в Венденском товариществе паевой капитал на члена достигал в 1907 г. 738 руб., а средний размер ссуды — 4820 руб., в Вольмарском паевой капитал — 300 руб., ссуды — около 2000 руб. и т.д. Такой высокий размер ссуд объясняется тем, что по уставам этих товариществ размер ссуды ограничен лишь при ссудах по личному доверию, при ссудах же под обеспечение имуществом или ценными бумагами, а также за поручительством двух лиц кредит не ограничен. По словам г. Валаева, товарищества эти обслуживают «главным образом немецких баронов и отчасти промышленную жизнь городов и местечек». Дивиденды пайщиков в этих товариществах обычно очень высоки, и товарищества в обход своих уставов кредитуют не только своих членов, но и посторонних. В отдельных случаях кредит, открываемый на одно лицо, достигает до 20-25 тыс. руб.

Товарищество этого типа уже вполне приближается к народным банкам германского образца.

Большое развитие ссудо-сберегательные товарищества получили среди русского еврейства. Товарищества эти, общая численность которых к 1912 г. достигала 664 при 347 тыс. членов в 519 городских товариществах, состоят более чем на две трети из ремесленников и мелких торговцев. Однако большинство ремесленников являются мелкими предпринимателями, мало возвышающимися над уровнем обычной еврейской бедноты. Только немногие товарищества слагаются из более зажиточных элементов еврейской буржуазии. Вот что говорит по поводу их С. О. Марголин в своем исследовании «Еврейские кредитные кооперации» (1908 г.):

«Товарищества, приближающиеся по характеру своей деятельности к кооперации капитала, отличаются от остальных товариществ не только тем, что у них высокий размер пая и высокая норма оплаченного паевого капитала, но и состав членов этих товариществ резко отличается от обычного состава членов остальных товариществ. В этом отношении наиболее чувствительным показателем характера деятельности товарищества является участие членов-ремесленников. Можно предвидеть, что чем больше товарищество осуществляет у себя тенденции кооперации капитала, тем ниже процент ремесленников в этом товариществе, и, наоборот, чем больше товарищество осуществляет собой принцип кооперации, тем больше возрастает процент ремесленников в данном товариществе».

С. О. Марголин отмечает, что товарищества, состоявшие по преимуществу из торговцев, обнаруживают явно капиталистические тенденции, и в этих товариществах на первый план выступает задача выгодного помещения паевого капитала.

“ «В этом отношении, — говорит он, — наиболее характерна деятельность Мозырского товарищества. В этом товариществе понижение процента на ссуды повело бы к выходу многих членов из товарищества. Многие члены поступают в это товарищество не с целью пользоваться ссудами на льготных условиях, но с целью найти выгодное помещение своим капиталам».

Однако все тенденции еврейских, равно как и иных городских товариществ Прибалтийского края и Королевства Польского, чрезвычайно затрудняются тем, что товарищества эти все же более или менее связаны своими уставами и не свободны в своей деятельности. Уже одно ограничение нормальным уставом кредита, открываемого одному лицу, имеет в этом смысле большое значение. Правда, эта статья устава на практике обходится, но все же она остается существенным препятствием к тому, чтобы наши городские ссудо-сберегательные товарищества развивались в сторону обычных банков, как это мы видим в Германии.

Во всяком случае, у нас имеются кредитные кооперативы мелкобуржуазного типа, и основные тенденции развития наших кооперативов этого типа имеют сходный характер с теми тенденциями, которые так ярко обнаружили в Германии.

Глава III. Ремесленная кооперация

1. Возникновение ремесленной кооперации

Возникновение кооперативного движения тесно связано с кризисом ремесла. Именно городские ремесленники были той социальной средой, в которой кооперация впервые стала серьезной общественной силой. Так было в Англии, где пропаганда Оуэна после короткого периода неудачных экспериментов с коммунистическими общинами только тогда стала влиять на народные массы, когда захватила десятки и сотни тысяч городских ремесленников, переживающих в первые десятилетия прошлого века трудное время в связи с развитием капиталистической фабрики и вообще современной капиталистической системы. Именно кризис ремесла и сделал английских ремесленников восприимчивыми к коммунистическим мечтаниям Оуэна, давшим в действительной жизни столь непохожие на них плоды. Точно так же и в Германии кооперативное движение начинается среди городских ремесленников. Но в то время как в Англии ремесленная кооперация не получила дальнейшего развития и явилась почти столь же мимолетным эпизодом в истории английского кооперативного движения (скоро приобретшего пролетарский характер), как и эксперименты с коммунистическими общинами в Германии, соответственно большему значению в общем строе хозяйства страны ремесла, ремесленная кооперация играет известную роль в ряду других форм кооперации вплоть до нашего времени.

Первыми кооперативами Шульце были ремесленные кооперативы — два сырьевых товарищества столяров и башмачников, созданные им в Деличе в 1849 г. С них начинается история германской кооперации.

Кооперативная теория Шульце, разработанная им в целом ряде брошюр и книг, точно так же имела в виду преимущественно класс ремесленников. Сырьевые и магазинные товарищества должны были явиться, по представлению Шульце, первыми ступенями кооперативного движения, долженствующего найти свое завершение в производительной ассоциации. Однако, как известно, до производительной ассоциации дело не дошло, да и сама производительная ассоциация чем больше развивалось кооперативное движение, тем более утрачивала свою привлекательность как для Шульце, так и для его преемников по духу. Таким образом, в действительной жизни специфически ремесленная кооперация выразилась в кооперативах только трех родов: сырьевых товариществах, магазинных и производительноподсобных. Что же касается ссудо-сберегательных товариществ (народных

банков Шульце), то хотя в этих товариществах ремесленники принимали и принимают деятельное участие, тем не менее ссудо- сберегательные товарищества не могут считаться вполне ремесленными кооперативами, так как ремесленники составляют и всегда составляли в них только меньшинство членов (за последнее время около 74-1/2 всех членов).

Чисто ремесленными кооперативами являются, таким образом, только три названных рода кооперативов.

Им придавал Шульце самое большое значение как средству преодоления кризиса ремесла.

Действительно, необходимость их для поднятия ремесла казалась очевидной не только самому Шульце, но и всем его преемникам по кооперативной работе. Мало того, и теперь идея ремесленной кооперации находит много самых горячих партизанов как среди практиков кооперации, так и среди теоретиков. Вот, например, что говорит о ремесленной кооперации в своем известном курсе политической экономии столь авторитетный германский ученый, как проф. Конрад: «Будущность германского ремесла гораздо больше зависит от того, насколько ремесленники созреют до кооперации, чем от распространения принудительных цехов... Огромное значение для ремесленников магазинных товариществ, в которых публика может делать выбор покупаемых предметов по своему усмотрению и которые позволяют ремесленнику, когда у него нет заказчиков, работать на магазин, так очевидно, что кажется прямо-таки непонятным, каким образом магазинные товарищества не получили большого распространения». Точно так же Конрад выражает удивление, почему достигли пока мало успеха и другие ремесленные кооперативы, в том числе и производительно-подсобные товарищества, дающие возможность ремесленникам пользоваться сообща машинами и дорогостоящими сооружениями, недоступными для отдельного ремесленника.

Каковы же фактические успехи ремесленной кооперации? Вот соответствующая статистика за время деятельности Шульце:

Год __	Сырьевые товариществ ва: Число	Число давших сведения	В них членов	Магазинные товариществ ва: Число	Число давших сведения	В них членов
1870	135	9	381	29	7	160
1875	168	11	511	199	14	689
1880	150	17	733	131	10	693
1885	140	11	461	148	7	529

Что касается производительно-подсобных товариществ, то их почти совсем не было: отчет шульцевского союза за 1890 г. сообщает о 8 таких товариществах, в том числе о 7 товариществах мясников, имевших общие бойни для скота.

Приведенные данные дают яркую иллюстрацию ничтожных результатов деятельности Шульце в области создания ремесленной кооперации. Правда, по своей численности

сырьевые и магазинные товарищества кажутся имеющими известное значение. Но, во-первых, и по своей общей численности товарищества эти за 1875-1885 гг. не выросли, а сократились. Во-вторых, — что еще важнее, — значащиеся в отчетах Всеобщего союза Шульце сотни сырьевых и магазинных товариществ существовали более на бумаге, чем в действительности; это лучше всего доказывается совершенно ничтожной численностью тех товариществ, которые давали о себе сведения: 11 сырьевых товариществ с 461 членом и 7 магазинных с 529 членами, дающих о себе сведения, — вот и все, что достиг Шульце в этой области за 35 лет своей деятельности. Что же касается товариществ, не давших о себе никаких сведений, то, очевидно, это отсутствие сведений вызывалось тем, что товариществам нечего было о себе сообщить.

Неуспех излюбленного детища Шульце — ремесленной кооперации — составлял яркий контраст с успехом ссудо-сберегательных товариществ, которые быстро росли и по числу членов, и по своим оборотам. Неуспех этот был настолько очевидным, что самый факт его никем не оспаривался. Вопрос заключался лишь в причинах неудачи ремесленной кооперации. Причины же эти отнюдь не могли заключаться в том, чтобы ремесленная кооперация привлекала к себе недостаточное внимание общественных деятелей и правительственных учреждений.

Напротив, можно смело утверждать, что ни одна отрасль кооперации в Германии не встречала такой деятельной поддержки со стороны, как именно ремесленная кооперация. Не нужно забывать, что все кооперативное движение, пока его руководителем был Шульце, имело целью поддержание ремесла, в чем Шульце усматривал верховный смысл своего общественного дела. Поддержание ремесла, помимо своего непосредственного экономического значения, приобретало еще и особую политическую окраску благодаря той роли, которую в глазах политически умеренных кругов германского общества средние классы должны играть в политической жизни как оплот против революционных тенденций пролетариата. Эта идеология вполне разделялась и самим Шульце. Еще большее значение она приобретала у тех общественных элементов Германии, которые были политически правее умеренного либерала Шульце.

Вопрос о причинах слабого развития ремесленной кооперации, равно как и о средствах содействия этому развитию, всегда привлекал усиленное внимание Всеобщего союза, созданного Шульце, и неоднократно обсуждался на общих собраниях союза.

2. Дальнейшие судьбы ремесленной кооперации

Что касается самих ремесленников, то среди них кооперативное движение, руководимое Шульце, только отчасти встречало идейное сочувствие. А именно: духовные вожди ремесленников были политически гораздо правее Шульце и в большинстве примыкали не к умеренным либералам, как Шульце, а к консерваторам. В соответствии с этим основной лозунг Шульце — самопомощь при полном отказе от содействия государства — не находил

отклика в большинстве ремесленного класса, сочувствовавшего скорее мерам непосредственной государственной помощи ремеслу. Благодаря этому существенному разногласию между Шульце и вождями ремесленного класса ремесленное движение Германии шло своей особой дорогой, не сливаясь с кооперативным движением, во главе которого стоял Шульце, и занимая по отношению к последнему даже отчасти враждебное положение.

Прусское правительство, относившееся вначале неприязненно к Шульце, в котором оно видело одного из опасных представителей либеральной партии, мало-помалу изменило свою позицию и стало поощрять кооперацию. Тем не менее консервативное ремесленное движение вызывало со стороны правительственных властей отношение еще более сочувственное.

Поэтому правительство ничего не имело против образования в 1901 г. особого Главного союза немецких промышленных товариществ (Hauptverband deutscher gewerblicher Genossenschaften). Союз этот составил из тех кооперативов, которые не входили в состав союза, основанного Шульце. Новый союз с самого возникновения стал получать субсидию из государственных средств, которая с течением времени все возрастала. При помощи его прусское правительство получило возможность вступить в еще более тесную связь с ремесленным кооперативным движением.

Начало этому новому направлению прусской кооперативной политики было положено еще раньше учреждением Прусской центральной кассы кооперативных товариществ в 1895 г. Одной из главных задач кассы явилось развитие ремесленной кооперации. И надо признать, что касса сделала все возможное, чтобы вызвать к жизни ремесленную кооперацию. По признанию в прусском ландтаге Гейлигенштадта, президента кассы, Прусская касса по отношению к кредитованию ремесленных организаций пошла гораздо дальше, чем по отношению к другим кооперативным организациям. «Мы хорошо знаем, — заявлял Гейлигенштадт, — что ремесленные товарищества наталкиваются на особые затруднения, и этим соображением определяется наш образ действий по отношению к ним».

В правительственной записке от 1903 г., представленной в законодательные палаты Пруссии, указывалось, что несмотря на усиленные старания Всеобщего союза Шульце, ремесленная кооперация получила до настоящего времени в Пруссии очень незначительное распространение. «Широкая масса ремесленников осталась почти не затронутой кооперацией. Самостоятельного кооперативного движения среди ремесленников аналогично тому, что мы видим в деревне, совсем не наблюдается. Если и теперь из большинства провинций Пруссии раздаются жалобы, что ремесленники, а тем более мелкие торговцы, не принимают в кооперативных организациях должного участия, то раньше это было общим правилом. Ввиду такого положения дел попытка государства оживить своей поддержкой самопомощь заинтересованных лиц в области мелкой промышленности должна была натолкнуться на серьезные затруднения».

Для поощрения ремесленной кооперации министерству торговли и промышленности был открыт еще с 1896 г. особый кредит, из которого оплачивалось содержание особых «инструкторов кооперации». Инструкторы эти должны были объезжать страну, читать

лекции о ремесленной кооперации и приходить непосредственно на помощь при возникновении ремесленных кооперативов. Помощь эта состояла не только в советах и указаниях, но и в кредитовании возникавших кооперативов из государственных средств. Связь инструкторов с основанными при их помощи кооперативами продолжалась и после, причем инструкторы исполняли обязанности бесплатных ревизоров.

Деятельное содействие успеху ремесленных кооперативов оказывала и «Прусская центральная касса». Открываемые ею кредиты обычно колебались между 1500-2000 марок на кооператив, но иногда достигали и 6000 марок.

За 1896-1902 гг. государство израсходовало из своих средств на поддержку ремесленных кооперативов 127 тыс. марок. Помощь Прусской кассы выражалась несравненно более крупными цифрами.

Возникший в 1901 г. Главный союз немецких промышленных товариществ покрывал свои расходы преимущественно при помощи правительственных субсидий.

При этом не нужно думать, что прусское правительство стесняло своей опекой свободное развитие ремесленной кооперации, наоборот, оно вполне понимало необходимость для кооперации свободы деятельности. Министр торговли Меллер заявил, например, в 1905 г. в прусском ландтаге по этому поводу следующее:

“ «Мы далеки от того, чтобы при посредстве Главного союза, содержимого преимущественно на наши средства, в каком бы то ни было смысле подчинять кооперацию бюрократическому влиянию».

Точно так же и руководители Главного союза отмечают отсутствие какого бы то ни было бюрократического давления на их деятельность.

“ «Несмотря на широкую поддержку Главному союзу, оказываемую прусским правительством и Прусской центральной кассой, — читаем в отчете о съезде союза в 1906 г., — союзу представлена полная свобода в разрешении всех его внутренних вопросов и во всей внутренней организации».

Затем не нужно забывать, что и ремесленные палаты — полуправительственные, полуобщественные учреждения, ставящие себе целью развитие ремесленной промышленности, также содействуют ремесленной кооперации. Главный союз действует в полном согласии с ремесленными палатами. В мае 1904 г. это согласие было окончательно установлено на конференции Главного союза с представителями ремесленных палат.

Таким образом, наряду с Всеобщим союзом Шульце целый ряд других общественных организаций преследует цели развития ремесленной кооперации, причем, несмотря на

несколько враждебную позицию, которую Всеобщий союз Шульце занял по отношению к Главному союзу (враждебность эта вытекала из того, что Всеобщий союз принципиально отрицает государственную помощь кооперации, между тем как Главный союз именно на этой помощи и основывается), все эти различные организации в равной мере озабочены распространением и ростом ремесленных кооперативов. Тому же содействует и правительственная власть, располагающая для этой цели таким мощным кредитным учреждением, как Прусская центральная касса.

Не менее энергичные усилия для развития ремесленной кооперации делали и делают и другие германские государства, кроме Пруссии. Так, в Баварии было учреждено в 1903 г. Центральное ремесленное товарищество в значительной степени на государственные средства; баварское правительство и раньше оказывало щедрую поддержку ремесленным кооперативам как кредитом, так и непосредственной затратой государственных средств. В Саксонии уже в 1891 г. была учреждена Кооперативная касса в Дрездене, с 5 млн. марок капитала, из которых 2/3 были предназначены на помощь ремесленным кооперативам. В Бадене вновь учреждаемые ремесленные товарищества имеют право получать на покрытие первых расходов по своему устройству правительственную субсидию, доведенную в 1908 г. в среднем до 48 % этих расходов.

Об общем отношении германских государств к ремесленной кооперации может дать представление циркуляр вюртембергского министерства внутренних дел от 20 января 1904 г. «Общинные власти, — говорится в этом циркуляре, — нередко могут оказать деятельную поддержку ремесленным товариществам, если при отсутствии подходящих лиц среди ремесленников они возьмут на себя руководство вновь возникающими ремесленными товариществами, как это уже практикуется с большим успехом по отношению ко многим сельскохозяйственным товариществам, а в отдельных случаях и по отношению к промышленным товариществам. Затем нередко общинные власти могут содействовать образованию товариществ сырьевых, производительно-подсобных и по сбыту предоставлением в их распоряжение без всякой платы или по пониженной плате помещений и складов, принадлежащих общине, или же, поскольку община владеет соответствующими источниками механической двигательной силы (вода, газ, электричество), предоставлением в распоряжение товариществ соответствующей ссуды по пониженной плате

для первых операционных годов товарищества, наконец, освобождением товариществ на известный срок от общинных налогов. Кроме того, общинные власти могут содействовать образованию промышленных товариществ и оплатой расходов по слушанию местными ремесленниками особых курсов по ремесленной кооперации». К каким же результатам привели эти упорные и настойчивые усилия правительственных и общественных кругов создать почти отсутствующую ремесленную кооперацию? Пусть отвечают цифры:

Число ремесленных кооперативов в Германии

Год	Сырьевые	Производительно-пособные	Магазинные
1890	113	10	61

Год	Сырьевые	Производительно-пособные	Магазинные
1891	110	8	61
1892	110	13	59
1893	64	14	48
1894	59	17	54
1895	61	17	57
1896	58	21	68
1897	66	23	68
1898	73	30	70
1899	82	34	67
1900	92	53	73
1901	145	67	79
1902	188	78	81
1903	215	91	94
1904	266	106	108
1905	290	112	120
1906	257	341	73
1907	299	390	81
1908	349	447	96
1909	363	673	115

Цифры эти могут показаться свидетельствующими о полном успехе новой правительственной политики по отношению к кооперации. До 1895 г. ремесленные кооперативы не только не развивались, но несомненно падали — ремесленная кооперация как бы вымирала. Факт этот сам по себе чрезвычайно поучителен и знаменателен: в то самое время, когда германское кооперативное движение в деревне делало такие огромные успехи и росла с поразительной быстротой, ремесленная кооперация, предоставленная своим собственным силам и не опиравшаяся на правительственную поддержку, быстро шла к полному исчезновению.

Можно было думать, что пройдет еще немного лет и о ремесленной кооперации не придется говорить по ее совершенному отсутствию. Ожидания эти не оправдались. В 1895 г. в истории германской ремесленной кооперации происходит перелом. Сначала прекращается падение числа ремесленных кооперативов, затем начинается их рост, сперва очень медленный, затем все более и более быстрый, за последние же годы рост этот становится даже по отношению к некоторым кооперативам стремительным.

Правда, это относится не ко всем трем родам кооперативов. Магазинные товарищества растут медленно и с большими колебаниями, зато сырьевые товарищества дают картину правильного и ускоряющегося роста. А производительно-подсобные товарищества растут за последние годы огромными прыжками.

Легко понять, почему 1895 г. сыграл такую роль в истории германской ремесленной кооперации. В этом году была учреждена Прусская центральная касса. С этого года начинается новая эра германской экономической политики — деятельного правительственного содействия кооперативному движению вообще и ремесленной кооперации в частности. Отсюда и огромный рост числа ремесленных кооперативов.

Однако делать вывод о полном успехе правительственной политики было бы преждевременно. Одно число кооперативов говорит еще очень мало. По данным Прусской центральной кассы для 1908 г., в этом году было во всей Германии 1308205 членов кооперативов, причем на долю ремесленных производительно-подсобных товариществ приходилось 27204 члена, сырьевых товариществ — 11964, магазинных — 4544 члена, сырьевых и магазинных вместе — 4856 членов. На все эти три рода ремесленной кооперации приходилось в общем менее 50 тыс. членов, т.е. немногим более 1% всего числа лиц, участвующих в кооперативах Германии.

Таким образом, успехи ремесленной кооперации оказываются при сравнении их с общим ростом германского кооперативного движения весьма и весьма скромными. Ремесленников в Германии более полутора миллиона. 50 тыс. членов ремесленных кооперативов составляют лишь немногим более 3 % общей численности ремесленников; это после многолетних усилий правительственных учреждений и могущественных общественных союзов развить ремесленную кооперацию не может считаться крупным результатом.

Главное дело, однако, в том, что рост числа ремесленных кооперативов, равно как и 50 тыс. участников ремесленных кооперативов, значатся более на бумаге и весьма мало соответствуют действительности. В число ремесленных кооперативов германская статистика включает многие кооперативы и предприятия, которые ничего общего с ремеслом не имеют.

Так, из значительного числа производительно-подсобных товариществ, по мнению Эрнста Пэха, автора новейшего исследования германской ремесленной кооперации «Die wirtschaftliche Bedeutung des kleingewerblichen Genossenschaftswesens»⁹⁴ (1912 г.), на долю действительного ремесла приходится не более 50 товариществ. Анализируя данные о ремесленных кооперативах в последние годы, Пэх приходит к выводу, что ни о каких действительных успехах ремесленной кооперации не может быть и речи.

“ «Картина ремесленной кооперации осталась в течение десятилетий по существу неизменной. И это те ремесленные кооперативы, ради которых Шульце-Делич создал всю свою кооперативную систему! Таков результат почти шестидесятилетней деятельности! Деятельности, которая по своей

интенсивности не оставляла желать ничего лучшего; ибо как Шульце-Делич уже при первых шагах движения защищал дело ремесленной кооперации, совершенно так же почти каждый съезд Всеобщего союза, а с 1901 г. и Главного союза занимался этим видом кооперации. А рядом с такими усилиями заинтересованных лиц сколько еще было приложено труда вне круга последних! Как бесконечно много затрачено усилий, сколько сделано расходов государством и общинами, теоретиками и практиками, посторонними и заинтересованными лицами, чтобы создать столь неудачное детище ремесленной кооперации! Это поистине граничит с трагедией!»

В признании неуспеха ремесленной кооперации сходятся все исследователи данного вопроса. Вот, например, отзыв Цейдлера, автора истории германской кооперации:

“ «Шульце и его друзья питали особенную теоретическую симпатию к промышленной кооперации. Факты, чем дальше, тем менее давали опору для этой симпатии, и теперь нельзя не признать практической безрезультативности ремесленной кооперации». Точно так же докладчик о ремесленной кооперации на Фрейбург-ском съезде Всеобщего союза в 1909 г. Лор должен был согласиться, что «если сравнить фактические успехи ремесленных товариществ с большой работой, потраченной на их поддержку на 50 съездах союза, то нельзя не сказать, результаты не утешительны».

Неуспех ремесленной кооперации кажется тем разительнее, что крестьянская кооперация, возникшая значительно позже, быстро достигла огромного развития.

3. Непосредственные причины неуспеха ремесленной кооперации

Вопрос о причинах неуспеха ремесленной кооперации приобретает, таким образом, значение серьезной теоретической проблемы. Посмотрим же, как объясняют этот неуспех кооператоры-практики, непосредственно заинтересованные в деле и ближе всего знакомые со всеми его деталями. Вопрос этот обсуждался много раз на съездах Всеобщего союза, и все частности его могут считаться достаточно выясненными.

Особенно обстоятельно разобран вопрос о причинах неудачи ремесленных кооперативов в докладе, прочитанном преемником Шульце по руководительству Всеобщим союзом Крюгером на Крейцнахском съезде союза в 1902 г.

Финк, автор очень ценной работы «Das Schultze-Delitzsche Genossenschaftswesen» (1909 г.), сводит указания Крюгера на основные причины неудачи ремесленной кооперации к следующим 11 пунктам.

1. Равнодушие ремесленников, особенно более зажиточных, ко всякого рода реформам и новым общественным начинаниям.
2. Конкуренция между ремесленниками и взаимная зависть их к успеху другого.
3. Кредитование ремесленными кооперативами своих членов и задолженность самих кооперативов; эта пассивная и активная задолженность препятствует ремесленным кооперативам приобрести экономическую устойчивость, что достижимо лишь в том случае, если операции ремесленных кооперативов могут основываться на платеже наличными деньгами.
4. Недостаточное знакомство со стороны членов товарищества с современной бухгалтерией.
5. Недостаточное знакомство со стороны широких кругов ремесленников с сущностью кооперации, а именно: ремесленники относятся подозрительно ко всяким призывам к самостоятельности, между тем как самостоятельность является единственно возможной основой кооперации.
6. Недостаточное знакомство с действующим законодательством.
7. Преувеличение значения кооперации: не следует думать, что кооперация есть талисман для создания благополучия всех падающих ремесленных хозяйств; только те ремесленники могут рассчитывать на поднятие своего экономического уровня, которые сами по себе располагают достаточными силами, «ремесленников же, спустившихся до уровня пролетариата, нельзя сделать успешными предпринимателями с помощью кооперации».
8. Соединение в одном кооперативе существенно различных целей и задач; один и тот же кооператив не может быть одновременно и кредитным, и сырьевым, и магазинным, и производительно-подсобным товариществом; такое соединение приводит лишь к тому, что ни одна из целей не достигается должным образом.
9. Непонимание со стороны устроителей кооперативов значения личного момента в кооперации: обычно думают, что для устройства кооператива требуются только достаточные денежные средства; в действительности же успех кооператива зависит прежде всего от индивидуальных свойств входящих в его состав лиц; если нет соответствующих лиц, то никакие материальные средства не могут обеспечить успех кооператива.
10. Неправильное отношение к вопросу об образовании кооперативом собственного капитала: нередко устроители кооператива относятся слишком легко к получению капитала со стороны, например, государства или общины; между тем кооператив может иметь успех только в том случае, если он располагает достаточным собственным капиталом: «в том-то и заключается опасность всяких субсидий, что субсидируемое учреждение привыкает на них

рассчитывать, как будто бы им конца никогда не будет, и кооператив чувствует себя освобожденным от обязанности заботиться об образовании своего собственного капитала».

11. Зависимость кооперативов от влияния чуждых им учреждений: кооперативы не должны быть под влиянием учреждений, которые по своему строю и духу не имеют с ними ничего общего, как, например, ремесленные палаты и вообще все учреждения, обладающие в большей или меньшей степени принудительной властью.

Перечень «корней зла», данный Крюгером, настолько обширен, что в смысле полноты он, казалось бы, не оставляет желать большего. Перечень этот кажется скорее слишком обширным и грешащим в противоположную сторону. Действительно, почти все причины неуспеха ремесленной кооперации, перечисленные Крюгером, не менее существенны и по отношению к другим преуспевающим видам кооперации, например крестьянской. Разве, например, крестьяне, особенно зажиточные, не «равнодушны ко всякого рода реформам»? Разве крестьянские кооперативы не страдают задолженностью и не склонны слишком кредитовать своих членов? Разве крестьяне не обнаруживают еще больше, чем ремесленники, полного незнакомства с современной бухгалтерией и т.д., и т.д.? Если же все эти неблагоприятные условия несколько не мешают поразительному успеху крестьянской кооперации, то почему они оказываются столь губительными по отношению к кооперации ремесленной?

Это кажется мало понятным. Вообще, попытка Крюгера дать исчерпывающий список причин неуспеха ремесленной кооперации производит на непредубежденного читателя скорее обратное впечатление: получается впечатление, что указываемые причины маловажны и несущественны, во всяком случае, вполне устранимы при надлежащей постановке дела. А следовательно, и вывод получается несколько неожиданный — благоприятный для ремесленной кооперации. Если действительно причины ее неуспеха так разнообразны и мало связаны с самым существом ремесла, то проблема неуспеха ремесленной кооперации оказывается Крюгером нерешенной. Ведь совершенно ясно, что если в двух областях хозяйственной жизни, в данном случае в крестьянском хозяйстве и ремесле, сходные экономические образования дают результаты совершенно различные, то причины различий результатов должны корениться в различии обеих областей хозяйственной жизни. Крюгер же сваливает в одну кучу и то, в чем крестьянское хозяйство отличается от ремесла, и то, в чем ремесло совершенно сходно с крестьянским хозяйством. Неудивительно, что результаты таких приемов анализа оказались неудовлетворительными: вместо объяснения проблемы неуспеха ремесленной кооперации Крюгер только запутал эту проблему привлечением к делу множества частных факторов, но ничего не говорящих об общих причинах их гибели, свойственных именно ремесленным кооперативам как таковым в отличие от кооперативов крестьянских.

4 Общие причины неуспеха ремесленной кооперации

Очевидно, «люди практики» именно потому, что они стоят слишком близко к делу и знают слишком много частных причин, приведших к гибели отдельные ремесленные кооперативы, не могут разрешить общей проблемы неуспеха ремесленной кооперации. Из-за деревьев люди эти совершенно не видят леса.

Обратимся же к общей экономической теории, которая, быть может, еще раз покажет, насколько она выше грубой эмпирии. В чем принципиальное экономическое различие между крестьянским хозяйством и ремеслом?

Различие это двоякого рода. По производимым продуктам крестьянское хозяйство отличается от ремесла тем, что крестьянин изготавливает сельскохозяйственные продукты, растительные или животные, ремесленник же занят промышленным производством. Крестьянин — сельскохозяйственный, а ремесленник — промышленный производитель.

Этим отличается крестьянское хозяйство от ремесла по роду производимых продуктов, а следовательно, и по характеру производственных процессов. Иначе говоря, различие это коренится в области техники.

Что касается экономической формы крестьянского хозяйства и ремесла, то и тут различие не менее глубоко. Правда, и в ремесле, и в крестьянском хозяйстве предприятие является мелким. Но мелкое предприятие ремесленника и крестьянина относится к существенно различным формам предприятий. А именно: ремесленник работает всегда непосредственно на потребителя, иначе говоря, на узкий и определенный рынок, без торгового посредника. В этом заключается само существо ремесла как определенной формы промышленности. Если только мелкий промышленный производитель начинает работать на широкий и неопределенный рынок, то он неизбежно нуждается в торговом посреднике, который связывал бы его с рынком; но тем самым он попадает в зависимость от этого посредника-капиталиста, утрачивает свою экономическую самостоятельность и превращается из ремесленника в кустаря. Итак, самое существо ремесла заключается в работе на узкий рынок без всякого посредничества торгового капитала.

Напротив, крестьянин, как общее правило, работает на широкий и неопределенный рынок, приближаясь в этом отношении к кустарю. В то время как рынок для ремесленника ограничивается небольшим районом, в пределах которого покупатель или заказчик ремесленного продукта вступает в личные сношения с ремесленником, для крестьянина рынком является, можно сказать, целый мир. Действительно, разве хлеб, масло, мясо и другие сельскохозяйственные продукты не являются предметом самой широкой международной торговли?

Итак, по своей экономической форме ремесло и крестьянское хозяйство различаются как работа на узкий рынок без посредства торгового капитала и работа на широкий рынок через торгового посредника.

Оба эти различия ремесла и крестьянского хозяйства — техническое и экономическое — глубоки и существенны. Ими и объясняется различие судеб кооперации в области крестьянского хозяйства и ремесла.

Из первого различия вытекает совершенно иное положение крестьянского хозяйства и ремесла в процессе развития современной хозяйственной системы. В то время как в сельском хозяйстве в силу технических особенностей мелкое производство не только не слабее крупного, но, наоборот, сильнее последнего и вытесняет последнее, в промышленности мелкое производство (а следовательно, и ремесло) не может выдержать конкуренции с крупным и падает под ударами капиталистической фабрики. В соответствии с этим среди ремесленников наблюдается глубокая дифференциация: часть их подымается выше и мало-помалу превращается из мелких в крупных капиталистов-предпринимателей, большинство же опускается книзу, пролетаризируется и сливается с классом наемных рабочих. Дифференциация наблюдается иногда и среди крестьянства, но в гораздо слабой степени. Большинство крестьянства сохраняет свой своеобразный экономический тип — самостоятельных, трудящихся хозяев, почти не пользующихся наемным трудом и своим личным трудом участвующих в производстве. Весь смысл разнообразной крестьянской кооперации сводится к тому, что кооперация дает возможность крестьянину укрепить свое мелкое самостоятельное хозяйство теми выгодами крупного хозяйства, которые доставляет кооперация. Но для того чтобы кооперация могла развиваться и обрести, так сказать, со всех сторон мелкое предприятие, требуется, чтобы само это предприятие, составляющее естественную опору кооперации, было сильно и жизнеспособно. Если же мелкое предприятие слабо и неустойчиво, то и кооперации не к чему, так сказать, прислониться; падающее мелкое предприятие увлекает в своем падении и кооперацию, ибо кооперация не всесильна и может дать мелкому предприятию только некоторые, но не все выгоды крупного хозяйства.

В этой несравненно большей жизнеспособности мелкого трудового предприятия в сельском хозяйстве сравнительно с промышленностью заключается основная причина гораздо большей жизнеспособности крестьянской кооперации сравнительно с ремесленной. Правда, и ремесло держится очень упорно; общая численность ремесленников в развивающейся капиталистической системе, несмотря на быстрый рост фабрики, если и сокращается, то настолько медленно, что ремесло дает и еще долго будет давать занятие миллионам рабочих рук.

Но дело в том, что в связи со своим положением в современной хозяйственной системе класс ремесленников глубоко дифференцирован и складывается из общественных элементов существенно различного типа и с существенно разными интересами. С одной стороны, в состав ремесленников входят мелкие капиталисты, имеющие наемных рабочих и иногда настолько успешно развивающие свои операции, что они мало-помалу возвышаются над своим классом и постепенно превращаются в крупных капиталистов. Этим ремесленникам, наиболее зажиточным и преуспевающим, счастливым конкурентам своих менее удачливых товарищей, кооперация не нужна, так как и без помощи кооперации они чувствуют себя хорошо. Им противостоит масса ремесленников, опускающихся книзу, пролетаризирующихся и с трудом сохраняющих свое предприятие. Этим кооперация очень нужна и могла бы дать существенную помощь, если бы сами они были сильнее. Но неустойчивость их предприятия делает их неспособными воспользоваться выгодами кооперации. Практические деятели ремесленной кооперации указывают на равнодушие ремесленников ко всяким мерам самопомощи, как на первую причину трудности возникновения ремесленных кооперативов. Воспользуемся этим указанием, но спросим, почему же именно ремесленники обнаруживают

такой общественный индифферентизм и отсутствие понимания своих классовых интересов. Не потому ли, что падающий общественный класс вообще всегда оказывается неспособным к созданию в своей среде сильных организаций? Естественными вождями ремесленного класса являются более удачливые и зажиточные ремесленники; уже самим фактом своей удачи они доказывают свою большую талантливость, предприимчивость и экономическую умелость. И уровень образования в их среде, естественно, является более высоким. Их голос звучит всегда наиболее внушительно и авторитетно во всех общественных начинаниях той социальной группы, к которой они принадлежат.

Однако именно они всего менее заинтересованы в успехе кооперации, а иногда даже заинтересованы в прямо противоположном — в неуспехе товариществ, объединяющих их менее удачных конкурентов и увеличивающих силу последних. Что же касается более слабых и бедных ремесленников, которые, казалось бы, должны были бы крепко держаться за кооперацию, то, слагаясь в своей массе из менее талантливых, образованных, энергичных и предприимчивых представителей своего класса, они оказываются неспособными к самостоятельным общественным выступлениям. Отсюда и тот общественный индифферентизм всего класса ремесленников, на который жалуются практические деятели кооперации, — индифферентизм, который является естественным последствием неблагоприятного положения ремесла в системе современного капиталистического хозяйства.

Что индифферентизм ремесленников отнюдь не является прирожденным свойством последних, видно хотя бы из той выдающейся роли, которую ремесленники играли в общественной жизни средневекового города. Ведь именно ремесленники были тем классом, который создал цех и вместе всю сложную и стройную организацию средневекового городского хозяйства.

Ремесленники прежде времени были классом, отличавшимся перед всеми другими исключительной способностью к социальной организации. Можно сказать, что вообще во всемирной истории ни один общественный класс не обнаружил до сих пор такого умения подчинять общественный процесс производства регулирующему влиянию общественной власти, гармонично примиряя противоположные общественные интересы, такой способности к социальному творчеству, как ремесленники былой исторической эпохи.

И потому не нужно удивляться, что Шульце в начале своей деятельности более всего рассчитывал в своей кооперативной работе именно на ремесленников, на их историческую привычку к социальной организации.

Надежды Шульце были, однако, разбиты историей, и его преемник Крюгер, констатируя неудачу ремесленной кооперации, как на первую причину этой неудачи указывает на общественный индифферентизм ремесленников и на их неспособность к организованным выступлениям. Откуда эта перемена?

Из изменившегося положения ремесла в системе общественного хозяйства. Когда ремесло составляло вершину городского хозяйства, оно обладало исключительной способностью к социальному творчеству; когда оно было оттеснено на заднее место растущим

капитализмом и стало слабейшим звеном промышленной системы, оно утратило способность к организации и пульверизировалось⁹⁵ на отдельные предприятия, каждое из которых думает только о самозащите и своих частных интересах, обнаруживая полное равнодушие к интересам других. Вот откуда является тот «индивидуалистический тип» современного ремесленника, на который так жалуются кооператоры.

Но это еще далеко не все. Причины слабости ремесленной кооперации заключаются не только в том, что ремесло является одной из отраслей обрабатывающей промышленности в противоположность крестьянскому хозяйству, имеющему дело с биологическими процессами природы. Кроме этого технического различия между ремеслом и крестьянским хозяйством, между ними существует не менее глубокое различие и по отношению к экономической форме.

Ремесленник работает на узкий потребительский рынок, а крестьянин — на широкий рынок через посредство торговца. Непосредственно отсюда вытекает и вторая основная причина слабости ремесленной кооперации сравнительно с крестьянской.

К своему изумлению, кооператоры открыли у крестьянина полную готовность к объединению своих личных интересов с интересами своих товарищей в общественном коллективе и отвращение к такому объединению у ремесленника. Между тем ничего другого и ожидать было нельзя, если только понимать различие хозяйственного положения крестьянина и ремесленника как членов кооператива.

Крестьянин потому не избегает кооперативного объединения, что по самой сущности своей хозяйственной деятельности он не является конкурентом другого крестьянина. Успех одного крестьянина никогда не причиняет ущерба другому. Если, например, благодаря улучшенным приемам обработки поля и получению лучших семян тому или иному крестьянину удастся увеличить количество хлеба, который он выносит на рынок, то от этого нисколько не страдает сосед, производство хлеба у которого осталось прежним. Ведь рынком для крестьянского хлеба является весь мир и увеличение производства хлеба у одного из бесчисленных производителей того же продукта ровно никакого влияния на цену последнего не оказывает и никаких трудностей для сбыта этого продукта не создает.

Обширность, можно сказать, беспредельность рынка для продуктов крестьянского труда приводит к тому, что крестьяне не чувствуют себя ни в каком смысле конкурентами. Среди них отсутствует экономическая почва для взаимной зависти и вражды. А так как объединение нескольких крестьянских хозяйств в кооператив дает существенные выгоды каждому из них, то вполне естественно, что крестьяне охотно вступают в кооперативы, хотя крестьяне еще менее, чем ремесленники, знакомы с рациональной бухгалтерией, еще менее, чем ремесленники, привыкли к общественным организациям, еще более консервативны и недоверчивы ко всякому новому, незнакомому начинанию, еще более склонны к широкому пользованию кредитом и т.д., и т.д. Словом, почти все частные причины неудачи ремесленных кооперативов, которые с такой исчерпывающей обстоятельностью перечисляет Крюгер, действуют с еще большей силой и среди крестьян — с одним единственным исключением: среди крестьян нет поводов к «конкуренции и взаимной зависти друг к другу». Эта причина, занимающая у Крюгера второе место в его

списке, у крестьян отсутствует не в силу их прирожденной доброжелательности, а в силу свойств их хозяйственного предприятия.

Наоборот, ремесленники отнюдь не вследствие низкого уровня своей морали относятся друг к другу с такой завистью и недоверием, а вследствие совершенно правильного понимания своих хозяйственных интересов. Ремесленники работают на местный потребительский рынок, размеры которого не только не беспредельны, но очень ограничены и не могут быть расширены никакими кооперативами.

Перед нами сапожник в небольшом городе или деревне, продающий сапоги в своей лавке или делающий их по заказам потребителей. Количество сапог, которое требуется жителям городка, представляет собой строго определенную величину, не зависящую от усилий сапожника. Ремесло находится теперь в упадке благодаря тому, что продукты ремесленного труда вытесняются продуктами капиталистической промышленности. Поэтому рынок для ремесленных продуктов как нормальное явление переполнен предложением, и ремесленников больше, чем требуется для удовлетворения местного спроса.

При таком положении дела, когда ремесленники данного района производят более продуктов, чем может быть потреблено местным населением, каждый из ремесленников не может не видеть в другом своего конкурента и не относиться с завистью к его успехам. Ведь если один из ремесленников в силу тех или иных причин расширяет сбыт своих продуктов, то это неизбежно должно вызывать при ограниченности рынка сокращение сбыта продуктов остальных ремесленников. Успех одного равносителен неуспеху другого.

Поэтому ремесленники видят друг в друге не товарищей, а соперников. Хотя они в большей или меньшей степени являются трудящимися производителями, подобно крестьянам или фабричным рабочим, но их психика, в их отношении друг к другу, не имеет ничего общего с психикой крестьянина или рабочего. Психика ремесленника есть психика предпринимателя, существованию которого угрожает конкуренция других предпринимателей.

Правда, за последние десятилетия мы видим все растущую тенденцию среди крупных предпринимателей к замене конкуренции соглашением, к образованию мощных предпринимательских союзов, картелей и трестов. Почему же и ремесленникам не последовать примеру своих более сильных собратьев и не сменить конкуренцию соглашениями? Если такая замена соответствует интересам крупных предпринимателей, то разве того же не требуют интересы и мелких предпринимателей?

Здесь нужно, однако, принять в соображение совершенно различное положение в системе современного хозяйства крупного и мелкого промышленного предприятия. Крупное предприятие безусловно побеждает; ему не приходится опасаться конкуренции мелкого. Картели и тресты потому получают такое распространение среди крупных предпринимателей, что они заменяют конкуренцию монополией. Монополия же дает возможность предпринимательскому союзу захватывать потребителя в свои руки и поднимать цены путем сокращения предложения соответствующих продуктов.

Возможно ли нечто подобное для ремесла? Ведь ремесло страдает от конкуренции крупных предприятий, которые являются в этой борьбе бесспорно сильнейшей стороной. Цены ремесленных продуктов не могут быть подняты соглашением ремесленников, так как цены эти диктуются конкуренцией с ремеслом крупных предприятий.

Представим, себе, например, что деревенские мельники, являющиеся одним из наиболее типичных представителей деревенского ремесла, заключают между собой соглашение для поднятия цены за помол. Соглашение это повело бы только к тому, что хлеб стал бы подвозиться для помола не на мелкие, а на крупные капиталистические мельницы, конкуренция которых держит на низком уровне цену за помол на деревенских ветрянках. Точно так же попытка деревенских сапожников поднять путем соглашения цены на сапоги должна потерпеть неудачу потому, что цена ремесленного сапога определяется его конкуренцией с фабричным и кустарным сапогом; поднятие цены ремесленного сапога должно повести к вытеснению его фабричным и кустарным сапогом.

Но если даже в силу тех или иных местных условий ремесленники и могут не опасаться в данном районе конкуренции крупных предприятий и, значит, могут достигнуть путем соглашения монополии, монополия эта не может доставить им таких выгод, которые получают от монополии крупные предприниматели. Ибо каким образом монопольный трест достигает поднятия цен своих продуктов? Путем сокращения их производства. В Америке при слиянии многих фабрик в трест трест обычно начинает свою деятельность с того, что закрывает некоторые из этих фабрик или даже большинство и сосредоточивает производство в тех, которые представляют некоторые преимущества перед остальными. Точно так же и капиталистические картели достигают повышения цен лишь путем соответствующего сокращения производства.

Мыслима ли подобная политика для союза ремесленников? Могут ли они достигнуть поднятия цен своих продуктов путем сокращения производства? Очевидно, нет. Ни один ремесленник не согласится прекратить или сократить свое производство для того, чтобы таким образом поднять цены ремесленного продукта, ибо его рабочая сила окажется в таком случае неиспользованной или не вполне использованной.

Отсюда следует, что путь соглашения в целях достижения монополии, которым идут в настоящее время крупные капиталисты, закрыт для полукапиталистов-полурабочих ремесленников. И вот почему «дух конкуренции» в ремесле более живуч, чем в крупной промышленности.

К этому присоединяется еще другое обстоятельство, столь же непосредственно вытекающее из существа ремесла и столь же неблагоприятное для кооперации. А именно: ремесленные предприятия по самой своей природе должны быть в современном обществе разбросаны на обширных пространствах. В средние века ремесленники могли жить большими скученными группами, потому что ремесло было господствующей формой промышленности. Теперь не то. Теперь ремесло оттеснено из крупных населенных центров в мелкие, да и там должно быть разбросано на большой площади, чтобы находить клиентов. В каждом отдельном населенном центре (маленьком городке или деревне) ремесленников известного рода немного, ибо большое количество их не нашло бы сбыта продуктов своего

труда.

И в этом отношении наблюдается разительный контраст между крестьянами и ремесленниками. Крестьяне живут в большом числе бок о бок друг с другом, занимаясь одним и тем же родом труда и имея одни общие интересы. Напротив, ремесленники, занимающиеся тем же родом труда, имеются в небольшом количестве в каждом отдельном населенном центре и живут в большом отдалении друг от друга. Это требуется самими условиями их промысла. Несколько рядом живущих ремесленников не нашли бы заказчиков или покупателей своих продуктов. Очевидно, например, что булочные заведения не могут быть скучены в одном пункте города, но должны быть равномерно рассеяны по всей территории города.

Но чем меньше лиц, могущих войти в состав кооператива, тем слабее и этот последний. Из трех, четырех лиц не может составиться кооператив, как бы эти лица ни сочувствовали кооперации. Кооператив может иметь хозяйственное значение лишь в том случае, если он является более или менее крупным предприятием. Даже самые мелкие крестьянские кооперативы — кредитные товарищества райффайзеновского типа — считают своих членов многими десятками. Но легко ли набрать несколько десятков ремесленников того же рода и притом живущих настолько близко друг от друга, чтобы собираться вместе и вести общее хозяйство? И вот мы видим, что ремесленные кооперативы по недостаточной численности ремесленников, живущих в определенном районе, имеют обычно ничтожные размеры. Среди ремесленных кооперативов встречается много таких, число членов которых определяется не сотнями или десятками, а немногими единицами. Но кооператив с 7 или 8 членами уже почти не кооператив.

Итак, существенным препятствием к успеху ремесленной кооперации является и то обстоятельство, что ремесленники живут рассеянно на обширной территории, кооперация же может удаваться только при тесном общении между собой более или менее обширных групп лиц, живущих достаточно близко друг от друга. Разбросанность же ремесла есть непосредственное следствие конкуренции с ним капиталистической промышленности, оттеснившей ремесло в маленькие города и деревни, да и там рассеявшей ремесленников отдельными единицами среди населения, покупающего продукты ремесленного труда.

5. Магазинные и сырьевые товарищества

Среди различных видов ремесленных кооперативов наиболее глубоко захватывают условия ремесла магазинные товарищества. Эти товарищества обещают ремесленнику всего более: ведь современный кризис ремесла коренится именно в изменении условий сбыта. Поскольку ремесленник страдает от недостатка сбыта, постольку и меры помощи ремеслу должны быть направлены на улучшение условий сбыта. Магазинное товарищество обещает ремесленнику поставить сбыт его продуктов в те же условия, в которых сбываются и продукты капиталистической промышленности. Современный потребитель привык покупать

все нужное ему в магазине, он не может разыскивать ремесленника и ждать, пока тот исполнит сделанный ему заказ. Кроме того, современный потребитель нуждается в большом подборе разнообразных товаров: он выбирает среди многих товаров те, которые ему более всего по вкусу.

Именно потому, что ремесленник не может удовлетворять этим требованиям, он и оказывается таким слабым в борьбе с капиталистической промышленностью. Магазины товарищества, объединяя сбыт продуктов многих ремесленников, ставят их, казалось бы, в такое положение, при котором они могут вести эту борьбу с большей надеждой на успех.

Вот почему именно эти товарищества особенно необходимы для ремесла и составляют как бы пробный камень силы всей ремесленной кооперации.

Между тем не подлежит сомнению, что магазинные товарищества ремесленников являются самым неудачным детищем в кооперативной семье. Их совсем мало. Правда, их считается в Германии около сотни, причем в 1908 г. число членов в них достигало 4544. Последняя цифра незначительна, но еще хуже то, что из этих 4 тыс. членов магазинных товариществ свыше 3 тыс. приходится на один род ремесла — товарищества мясников. В этом ремесле товарищества по сбыту получили некоторое распространение в силу особых условий мясного дела. А именно: мясное дело дает, кроме мяса, целый ряд отбросов — шкуры, рога, жир, внутренности и пр. Эти отбросы имеют довольно значительную ценность, но не могут сбываться той публике, которая составляет нормального покупателя мясной лавки.

Товарищество по сбыту среди мясников имеет в виду сбыт отбросов мясного дела, но отнюдь не сбыт самого мяса. Товарищества эти получили за последнее время некоторое распространение, но они совершенно не затрагивают условий сбыта главного продукта мясного дела — мяса. В области сбыта мяса товарищества по сбыту совершенно отсутствуют.

Почему же магазинные товарищества так мало удаются ремесленникам? Помимо общих причин слабости ремесленной кооперации, в данном случае действуют особые причины. А именно: магазинные товарищества противоречат как бы внутренней природе ремесла. Ведь ремесло есть работа непосредственно на потребителя без всякого посредника. Если же между производителем и потребителем становится посредник — магазин, то это уже не ремесло, а кустарная промышленность.

Концентрируя в одном магазине продажу продуктов ремесленников, магазинное товарищество прежде всего требует больших расходов на содержание магазина. Продавая свой продукт у себя дома, ремесленник избегает всех расходов, связанных с ведением сложного торгового предприятия. Продукт переходит к покупателю, неся на себе только расходы производства. Будучи продан в магазине, продукт несет на себе еще очень крупные расходы по продаже. А эти последние расходы могут выразиться цифрой не менее крупной, чем расходы производства. Практика показала, что расходы по содержанию магазина сплошь и рядом превосходят все выгоды, которые ремесленники получают от продажи своих продуктов через посредство магазинов.

Затем магазин собирает к одному пункту ремесленные продажи. Но этим самым ремесленник отделяется от потребителя. Ведь ремесло работает на потребителя, а потребитель рассеян по всей площади известного населенного центра. Стягивая ремесленные продажи в магазин, товарищество разъединяет ремесленника и потребителя и затрудняет сбыт ремесленных изделий.

Правда, зато магазинное товарищество дает ремесленнику такое могущественное средство расширения сбыта, каким является магазин. Но не ясно ли, что магазин ремесленного товарищества стоит гораздо ниже обычного капиталистического магазина. Последний ничем не стеснен в выборе товаров, предлагаемых вниманию публики. Обычный магазин покупает тот товар, который всего дешевле и всего лучше удовлетворяет требования публики. Он торгует и ремесленными, и кустарными, но главным образом фабричными продуктами. Только таким образом и может быть достигнута полнота ассортимента товаров, составляющая главное условие для успеха магазина.

Напротив, магазинное товарищество ремесленников в своем чистом виде ведет торговлю только теми товарами, которые изготовляют его члены. Поэтому оно должно проигрывать в конкуренции с обычными капиталистическими магазинами.

На Франкфуртском съезде Всеобщего союза в 1908 г. магазинные товарищества были предметом продолжительного обсуждения, выяснившего, что магазинные товарищества могут рассчитывать на успех только при одном условии: если они сбывают не только продукты своих членов, но и продукты, покупаемые со стороны. Все немногие магазинные товарищества, которые удаются, торгуют преимущественно товарами этого последнего рода, так, например, товарищества башмачников и мебельщиков.

Но ведь в этом случае магазинное товарищество превращается в простую капиталистическую лавку, и, конечно, нет никаких оснований, почему бы группа ремесленников не могла устроить успешной капиталистической лавки, в которой продавались бы наряду с товарами, покупаемыми на стороне, также и продукты, производимые хозяевами лавок. Такие лавки вполне возможны, но все же более сильным предприятием является обычная лавка, принадлежащая одному капиталисту; связь лавки с товариществом ремесленников отнюдь не требуется для успеха лавки, а, напротив, мешает этому успеху, ибо крайне усложняет и запутывает все дело и создает огромные трудности для надлежащего руководства им. Не нужно забывать, что хозяевами общего предприятия являются в данном случае люди, видящие друг в друге опасных конкурентов и рассматривающие каждый успех другого, как убыток для себя. Товарищество из таких людей распадается очень легко, и нужны довольно исключительные условия, чтобы оно долго держалось.

При таких трудностях магазинных товариществ неудивительно, что они удаются так редко. На Франкфуртском съезде один из видных кооперативных деятелей сказал, что, когда к нему обращаются с просьбой помочь устройству магазинного товарищества, у него «пробегают мороз по коже».

Единственным видом ремесленной кооперации, имеющим известное значение на практике, являются сырьевые товарищества. Правда, и эти товарищества большого распространения среди ремесленников не получили. Но все же это — кооперация не только на бумаге, а хозяйственное явление, играющее свою, хотя и скромную, роль в современной жизни. В 1908 г. в 296 сырьевых товариществах Германии насчитывалось 11964 члена. Всего более были развиты сырьевые товарищества среди башмачников (2698 членов), булочников (2007), портных (1336) и парикмахеров (1420 членов). К этим сырьевым товариществам в чистом виде нужно присоединить еще товарищества смешанного рода, по закупке и по сбыту, которых насчитывалось 130 с 4856 членами.

Необходимость этих кооперативов для ремесленников так очевидна, что объяснения требует не наличие их, а их слабое распространение. Действительно, ведь главную затрату для ремесленника составляет обычно приобретение сырого материала для обработки. Для ремесленников закупочные товарищества гораздо необходимее, чем для крестьян, так как в сельском хозяйстве отсутствует затрата на сырье. С другой стороны, закупочные товарищества ремесленников не наталкиваются на те трудности, которые мешают успеху магазинных товариществ: сырьевые товарищества ни малейшим образом не противоречат внутренней природе ремесла, не изменяют условий сбыта ремесленных продуктов и не вызывают крупных добавочных расходов на устройство магазина.

Кроме того, нужно иметь в виду, что вообще в условиях современной хозяйственной системы закупка несравненно легче осуществима, чем сбыт. Поэтому наличие в некоторых отраслях ремесла жизнеспособных сырьевых товариществ не должна нас удивлять. Кооператоры-практики также относятся к сырьевым товариществам совершенно иначе, чем к магазинным. Они не только не говорят, что при просьбе об устройстве такого товарищества у них «пробегают мороз по коже», но, напротив, называют этот вид кооперации «благодетельным для всякого промысла, где появляются сырьевые товарищества».

Однако, как показывают факты, огромное большинство ремесленников обнаруживает полнейшее равнодушие к этому благодетелю, и лишь в очень немногих промыслах сырьевые товарищества получили, хотя и ограниченное, распространение. Поэтому в ничтожном успехе сырьевых товариществ следует видеть наиболее убедительное доказательство неприспособленности ремесленников к кооперативным организациям вообще. В данном случае действуют в чистом виде те общие причины неудачи ремесленной кооперации, о которых сказано выше. Слабость ремесла в современном строе хозяйства, разбросанность ремесленников среди других элементов населения, ожесточенная конкуренция между ними — вот что мешает распространению среди ремесленников даже таких кооперативов, выгоды которых очевидны.

6. Кооперация среди кустарей

Из изложенного видно, что кооперация не имеет никаких шансов получить среди ремесленников значительное распространение. Кооперация не для ремесленников — таков грустный вывод, который вытекает из беспристрастного анализа фактов.

Однако отсюда не следует заключать, что вообще в промышленности нет места для кооперации. В мелком промышленном производстве мы различаем две совершенно различные формы: ремесло и кустарную промышленность. Существенное различие между ними заключается в том, что ремесленник работает на узкий потребительский рынок без всякого посредника; кустарь же работает на широкий рынок через посредника.

По своей экономической форме кустарничество вполне сходно с крестьянским сельским хозяйством: в обоих случаях рынок для изготовляемого продукта неопределенно широк. Но в противоположность крестьянскому сельскому хозяйству кустарничество является не растущей, а падающей формой хозяйства потому, что мелкое производство в промышленности слабее крупного.

Из трех основных причин неудачи ремесленной кооперации в области кустарничества действует лишь первая — кустарничество не менее ремесла вытесняется крупным производством. Однако по отношению к двум другим причинам слабости кооперации в ремесле кустарничество сближается не с ремеслом, а с крестьянским сельским хозяйством: работая на широкий рынок, кустари живут значительными группами друг подле друга, и они также мало конкурируют друг с другом, как и крестьяне. Успех одного кустаря не причиняет никакого ущерба его товарищу по промыслу. Поэтому кооперативная организация кустарей не наталкивается на такие непреодолимые препятствия, как кооперативная кооперация ремесленников.

Товарищества по сбыту ни малейшим образом не противоречат внутренней природе кустарничества. Последнее неизбежно предполагает посредническую организацию сбыта. Таким посредником обычно является скупщик-капиталист. Пользуясь своим выгодным экономическим положением, скупщик стремится свести к минимуму оплату кустарного продукта. Товарищество кустарей по сбыту может оттеснить скупщика и существенно повысить оплату кустарного труда.

Товарищество по закупке столь же необходимо кустарям, как и ремесленникам, но гораздо легче осуществимо, так как кустари живут обширными группами и не имеют основания опасаться успеха друг друга, ибо их экономическое существование не зависит от ограниченного местного рынка.

Таким образом для кустарной кооперации открывается возможность развития. Затрудняется кустарная кооперация одним чрезвычайно важным обстоятельством: крайним упадком экономического благосостояния кустарей, представляющих собой по уровню своего существования едва ли не ниже всего стоящую социальную группу в современном обществе. При такой экономической слабости кустари не могут собственными силами, без посторонней поддержки создавать кооперативы.

Но тут могут и должны прийти им на помощь другие общественные организации — как более сильные крестьянские кооперативы, так и земство, равно как и правительственные учреждения, помогающие кустарной промышленности. В настоящее время среди всех практических деятелей по воспособлению кустарной промышленности является общепризнанным, что кооперация составляет необходимое условие поднятия кустарных

промыслов. Теория вполне подтверждает возможность кустарной кооперации, имеющей шансы на значительное развитие, в противоположность безнадежности ремесленной кооперации.

Глава IV.

Мелкобуржуазная потребительская кооперация

1. Мелкобуржуазные потребительские кооперативы на западе

Наиболее совершенным типом мелкобуржуазной потребительской кооперации могут считаться известные лондонские чиновничьи общества потребителей. В английской кооперативной литературе общества эти не признаются кооперацией, хотя сами эти общества именуют себя кооперативами. Дело тут, разумеется, не в словах. Но крайне характерно, что различие во внутренней структуре оказывается в данном случае так велико, что представители пролетарской кооперации отказывают лондонским обществам даже в названии кооперативов.

Сравнение организаций чиновничьих и пролетарских потребительских обществ лучше всего выясняет классовую природу кооперации. Действительно, откуда все различие тех и других обществ, как не из различия классового состава членов этих организаций?

Благодаря тому, что лондонские чиновничьи общества не признаются английскими кооператорами кооперативами, литература о них очень невелика. Наиболее обстоятельное и детальное описание этих обществ содержится, по-видимому, в книге Сернссона «Les sociétés cooperatives anglaises»⁹⁶ (1905 г.).

Прежде всего нужно констатировать, что общества эти отнюдь не являются малозначительными или плохо устроенными организациями. Самое крупное из этих обществ — Civil Service Supply Association — имело в 1903 г. свыше 62 тыс. участников. Другое лондонское общество сходного типа — Civil Service Cooperative Association — насчитывало в том же году свыше 10 тыс. участников.

Лондон называют «кооперативной пустыней», однако Лондон обладает огромным потребительским обществом — указанным обществом чиновников гражданской службы,

которое по числу своих участников оставляет позади себя самые крупные рочдельские кооперативы Англии. И если Лондон действительно является «кооперативной пустыней», то это потому, что названные чиновничьи общества не признаются английскими кооператорами кооперативами.

Чиновничьи потребительские общества Лондона возникли уже довольно давно, в половине шестидесятых годов прошлого века, под непосредственным влиянием успехов рочдельской кооперации. История их возникновения такова.

В 1866 г. несколько мелких чиновников почтового ведомства стали производить совместные закупки предметов потребления. Побудительным толчком к этому явились сведения об успехах рочдельских обществ. Движение скоро охватило и высших служащих, возникло два особых потребительских общества: одно — мелких чиновников, другое — высших. Общество с большим числом членов Civil Service Supply объединяет мелких, а Civil Service Cooperative — высших служащих в различных учреждениях гражданского ведомства, офицеров армии и флота, врачей и вообще лиц либеральных профессий.

Различие того и другого общества видно уже по размеру пая: в первом обществе каждый член должен иметь одну акцию ценой в 1 ф. ст., во втором каждый должен иметь акций не менее чем на 5 ф. ст.

Припомним, что рочдельские общества требуют самых ничтожных единовременных взносов: для того чтобы стать членом, обычно первоначальный взнос должен быть не менее 1 шилл., остальная сумма до полного пая пополняется отчислениями из остатков, следуемых члену.

Рочдельское общество ставило своей целью преобразование всего существующего общественного строя. Лондонские общества чиновников более скромны в своих стремлениях; их цели сформулированы в уставе как «покупка по оптовым ценам предметов потребления с перепродажей их по возможно более низким ценам».

Уже в этой формулировке бросается в глаза отрицание основного рочдельского принципа продажи товаров по рыночным ценам. Чиновничьи общества стремятся продавать свой товар по возможно более низким ценам и, понятно, не задаются никакими отдаленными утопическими целями.

Полученные сбережения рочдельские общества распределяют между своими членами пропорционально забору каждого. Напротив, общества чиновников распределяют свои прибыли пропорционально числу акций в распоряжении каждого.

В общих собраниях рочдельских обществ каждый имеет один голос независимо от числа паев, которыми он владеет. Напротив, в Supply Association число голосов каждого определяется числом акций в его распоряжении (с максимумом в 10 голосов). И то, и другое чиновничье общество знает две категории своих участников: членов и только покупателей. Первые должны обладать акциями, вторые обязаны делать лишь небольшой ежегодный взнос. Первые являются полноправными хозяевами всего дела, вторые же не имеют права голоса и не пользуются никакой долей прибылей общества. Первые составляют около одной десятой всего числа участников, в то время как вторые — несравненно более

многочисленные — увеличивают своими покупками дивиденды первых.

Число акций в каждом из этих обществ представляет заранее определенную величину. Капитал общества низших чиновников равняется 300 тыс. ф. ст., капитал второго общества — 100 тыс. ф. ст. Чтобы стать акционером и, следовательно, полноправным членом, нужно приобрести акцию у кого-либо другого.

Процент прибыли, выручаемый этими обществами, очень невелик, если его распределить на общую сумму продаж общества. И это неудивительно, так как общества стремятся продавать свои товары по возможно более низким ценам. Но эта небольшая прибыль, распределенная на акции, дает огромные дивиденды. Первое общество в 1903 г. имело на акции всей прибыли 13 %, а второе, более аристократическое, — даже 16,5 %.

Эта огромная прибыль получается потому, что в пользу акционеров идут все выгоды от продажи товаров неакционерам.

Вся организация чиновничьих обществ построена иначе, чем пролетарских. Пролетарские потребительские общества дают самое ничтожное вознаграждение лицам, образующим правление общества, — обычно не более 10 ф. ст. в год. И это неудивительно, ибо пролетарские общества рассчитывают на преданность кооперативному делу со стороны его руководителей. Напротив, вознаграждение членов правления чиновничьих обществ выражается сотнями фунтов стерлингов.

Обладая значительными капиталами и превосходным управляющим персоналом, чиновничьи общества в смысле техники своего устройства не оставляют желать лучшего. Их магазины принадлежат к наиболее благоустроенным и элегантным в Лондоне. И в то же время общества эти признают себя несколько не менее кооперативами, чем рочдельские общества.

Однако, если под кооперацией понимать организации, существенно отличные от капиталистических товариществ, то придется согласиться с английскими кооператорами, что потребительские общества чиновников не могут считаться кооперацией чистого типа. Они служат не интересам массы потребителей, а прежде всего капитала. Хозяевами их являются лишь акционеры, составляющие небольшую долю участников этих обществ. Организации эти очень близки к капиталистическим акционерным компаниям.

Крайне характерно, что эти общества, располагая довольно крупными капиталами, отнюдь не обнаруживают той тенденции к неограниченному расширению и захвату в свои руки за розничной торговлей оптовой, а затем и производства, которая составляет такую важную особенность рочдельских обществ. Ни одно из чиновничьих обществ не занимается производством чего бы то ни было.

“ «Коротко говоря, эти общества, — замечает Сернссон, — после тридцатисеми- или тридцативосьмилетнего существования ограничивают

свою деятельность теперь, как и в 1867 г., продажей в розницу товаров, покупаемых оптом. Они как бы застыли в своем первоначальном виде; но зато — и это стоит отметить — они все продают спиртные напитки, чего никогда не делают рабочие потребительские общества».

В то же время расходы по содержанию этих обществ очень велики сравнительно с рабочими обществами: во-первых, расходы названного рода не превышают в среднем 7 % общей суммы продаж, а в чиновничьих обществах те же расходы выражаются вдвое большими цифрами и доходят даже до 20 %. Может показаться непонятным, почему же чиновничьи общества не переходят к собственному производству, если это производство оказывается выгодным для рочдельских обществ.

Это зависит от следующего. Прежде всего, как ни странно это может показаться, чиновничьи общества обладают сравнительно с пролетарскими небольшими капиталами. Дело в том, что пролетарская кооперация в Англии, начав без всяких капиталов, накопила за долгие годы благодаря следованию рочдельским принципам капиталы, значительно превосходящие ныне капиталы чиновничьих обществ. Так, общество Civil Cooperative при 10 тыс. участников имеет капитал в 100 тыс. ф. ст. Целый ряд пролетарских обществ с таким же числом членов имеет капиталы от 200 до 300 тыс. ф. ст. Капитал Civil Cooperative при 60 тыс. участников достигает 320 тыс. ф. ст., между тем как пролетарское Лидское потребительское общество при 50 тыс. членов имело капитал в 700 тыс. ф. ст.

Итак, пролетарские общества прежде всего богаты, в то время как общества людей высших классов бедны. Главное же дело в том, что пролетарским обществам присущ дух дерзания, стремления к новым путям, чего совершенно лишены чиновничьи общества.

Члены пролетарских обществ не имеют собственных капиталов, а их паи, вложенные в общество, представляют собой очень небольшие суммы. Богатству этих обществ противостоит бедность их членов. А так как общество управляется членами, то последние легко соглашались на риск, последствий которого им особенно опасаться не приходилось.

Совсем в ином положении находятся чиновничьи общества. Сами эти общества сравнительно бедны; но каждый из их акционеров владеет довольно крупными суммами в виде акций. Утрата этих сумм является существенным ущербом для их владельцев, и поэтому члены чиновничьих обществ в страхе отступают перед всяким новым предприятием, сопряженным с опасностью потери капитала. Да и для чего им рисковать, когда капитал, помещенный в акциях этих обществ, и теперь им дает очень крупный дивиденд.

Кроме того, весь внутренний дух пролетарских и чиновничьих обществ различен глубочайшим образом. Во главе пролетарских обществ стоят идейные люди, сознающие себя участниками великого общественного движения, имеющего еще более великое будущее. Они принимают участие в кооперативных конгрессах, читают кооперативную прессу, сами принимают участие в ней. Вознаграждение их в общем так невелико, что только интерес к самому делу может привлекать их к нему. Напротив, директора и

администраторы чиновничьих обществ видят в своей деятельности только более или менее хорошо оплачиваемую службу, подобно всякой другой.

Столь же различна психология пролетария, рядового члена рабочего общества, и чиновника, рядового члена чиновничьего общества. В результате столь различной психологии и руководителей, и рядовых членов должен получиться и совершенно различный ход развития обществ того и другого рода, что мы и наблюдаем в действительности.

Общество, охватывающее имущие классы, неизбежно должно принять совершенно иной вид, сложиться в совершенно иную форму, чем потребительские общества фабричных рабочих.

2. Мелкобуржуазные потребительские кооперативы в России

В России потребительская кооперация возникает среди имущих классов в шестидесятых годах прошлого века. Вот как характеризуются наши первые потребительские общества в литературе того времени.

“ «Учредителями и членами в этих обществах являлись или богатые помещики и купцы, не испытывавшие никаких серьезных нужд и никогда не думавшие делать какие-либо сбережения, или чиновники, лишенные всякой способности к самостоятельности и привыкшие что-либо делать только по приказу или из-за наград».

Именно этим составом первых потребительских обществ и объяснялась, по правильному мнению современной литературы, их полная неудача. «Люди, состоятельные настолько, чтобы лакомиться конфетками и бордоскими винами, не могут думать о копеечных сбережениях на какой-либо крупе или ржаном хлебе и не станут из-за гривенника ходить в общественную лавку, когда под боком у них есть частные гастрономические и колониальные магазины, которые удовлетворяют их вкусам, если и не лучше, то, во всяком случае, так же, как и общественная лавка. В большинстве случаев у нас общества устраивались вполне искусственным образом или с целью поддержать модную идею, или с целью поиграть в общественные деятели и поупражняться, причем крупные вкладчики были уверены, что они приносят громадную пользу и глубоко благодетельствуют человеческому роду.

При таком положении дела общества не могли рассчитывать на сколько-нибудь продолжительное существование, так как они имели характер скорее забавы богатых людей, чем серьезных хозяйственных предприятий. И действительно, эти общества быстро

ликвидировали свои дела, поглощая в несколько лет или даже месяцев вложенные в них сравнительно крупные капиталы.

Неудачи эти вызвали в русском обществе разочарование в потребительской кооперации, и число вновь открываемых обществ в семидесятых годах прошлого века значительно падает. Затем следует новый подъем, идущий нарастающим темпом вплоть до нашего времени. В этом подъеме принимают видное участие и потребительские общества среди имущих классов. Чиновничьи и офицерские общества нередко являются у нас наиболее благоустроенными обществами.

Некоторые из этих потребительских обществ имущих классов по своей образцовой технической постановке напоминают лондонские чиновничьи общества, как, например, гигантское петроградское Экономическое общество офицеров гвардейского корпуса. Но кооперации в подобных организациях нет почти и следа.